

СПЕЦВЫПУСК

ИЮЛЬ/2021
УКРАИНА

СЕКРЕТЫ

СОВЕРШЕННО

№07 (184)

СЕКРЕТЫ

КУЛЬТУРЫ

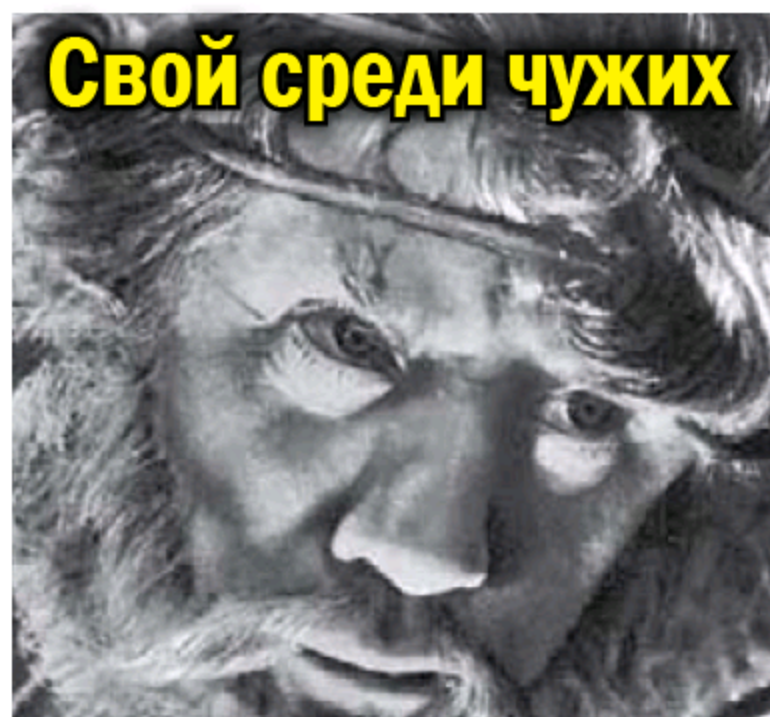
ИНОХОДЕЦ

В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ ПРОФЕССИИ

13

Свой среди чужих

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

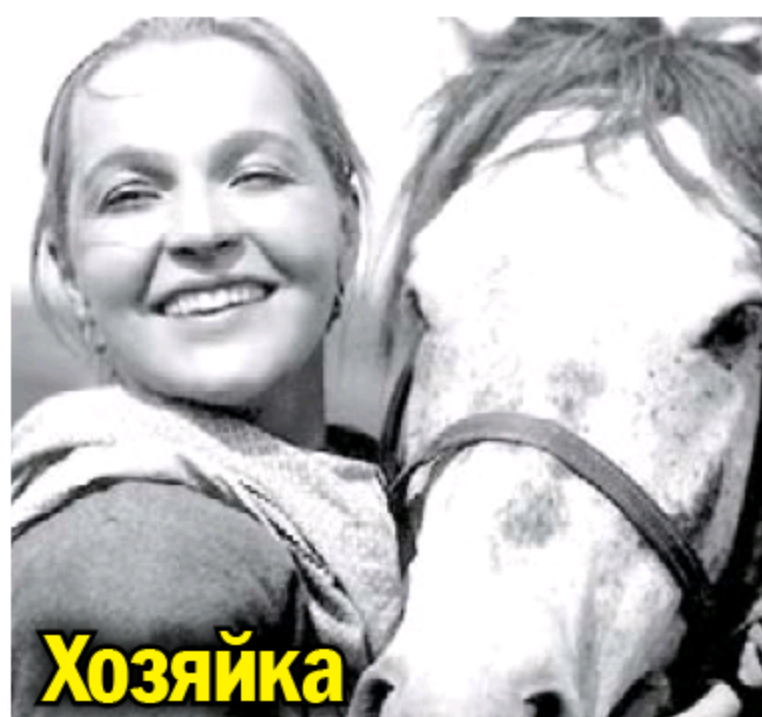
18

**Неудобная
персона**

СУДЬБА АКТЕРА

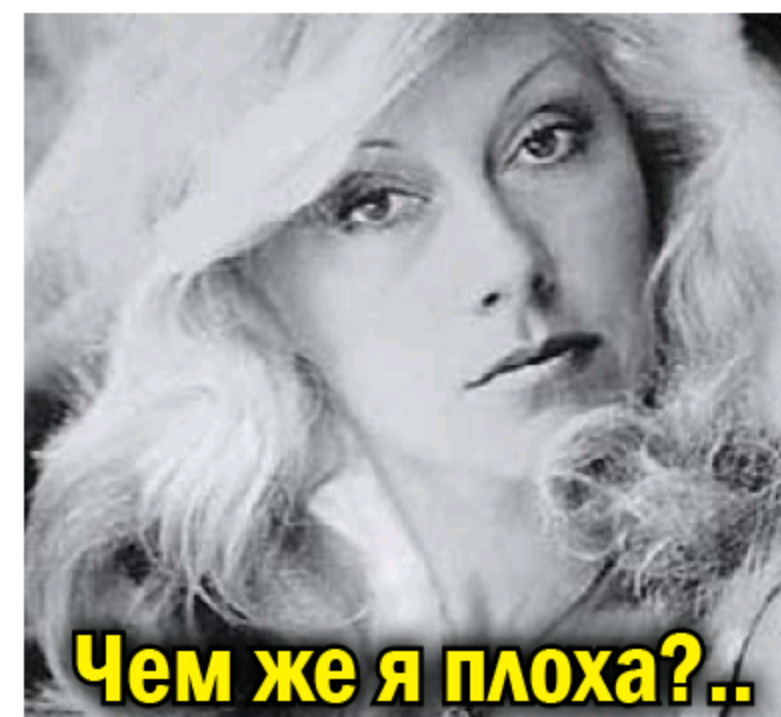
16

Хозяйка

ПЕРСОНА

8

Чем же я плоха?..

Фото из архива автора

Это лишь один эпизод многолетней дружбы автора, Давида КАРАПЕТЯНА, с Владимиром Высоцким. Познакомились они, когда Давид (переводчик с итальянского, работавший в кино на съемках советско-итальянских фильмов «Красная палатка» и «Ватерлоо») уже был влюблен в песни Высоцкого, ощущал масштаб его дарования, а потому относился к нему как к старшему брату – восхищался, старался запомнить каждую мелочь, помогал чем мог.

ВЫСОЦКИЙ И МАХНО ДВА ИНОХОДЦА

Давид КАРАПЕТЯН

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Весной 1970 года я был поглощен сумасбродной, казалось бы, идеей. В то время я много читал о Махно и его эпохе; догадывался, что он был совсем не таким, каким его изображали в книжках и кино.

У меня сложилась своя, больше интуитивная, версия мятежного атамана. Творец «третьей социальной революции», он мог стать генералом и у гетмана, и у Петлюры, и у Деникина с Врангелем. Кавалер ордена Красного Знамени (четвертый!), он мог получить большой чин и у красных. Но «мирному вращению в социализм» Нестор Махно предпочел последовательную борьбу со всеми режимами и голодную независимость в эмиграции. Мне он виделся героем античных трагедий, бросающим вызов Року. Сама махновщина казалась мне не спасительным рецептом кооперативного счастья, а призывом стряхнуть с себя холопство и вновь зажить «по своей воле и правде», вне эдиктов и рескриптов партийных прохвостов. Бегством от надзора государства под опеку Природы, счастливым совпадением бунта личности с разгулом украинской стихии, дерзновенной попыткой выговориться перед Историей. Оставалось лишь впрячь этот опрометчивый анархо-идеализм в пулеметную тачанку – эту огненную колесницу Свободы, на всем скаку под черным стягом Свободы ворвавшуюся в кровавую сумятицу Гражданской войны, испепелившую в ней и себя, и своего демонического возницу. Но из этой горстки пепла расцвел поэтичнейший из мифов русской революции – эпопея махновщины. Тоска о несбыточном Ладомире, где наконец-то осуществится хлебниковское: «Я вижу конские свободы и равноправие коров».

...В итоге всех этих мучительных раздумий я задумал написать сценарий о махновской вольнице и уговорить Тарковского сделать по нему фильм. Мало того, мне страстно хотелось, чтобы Нестора Махно в фильме играл Владимир Высоцкий и чтобы в финальной сцене (после перехода жалких остатков махновской армии через Днестр)

Володя спел «Охоту на волков». Не больше и не меньше. Какой кадр! Румынская погран-застава, Высоцкий-Махно и – «Но остались ни с чем егеря...»

В общем, весной 1970 года я на полном серьезе собирал материал и мечтал о поездке по махновским местам.

Одному ехать не хотелось, о Высоцком как о возможном спутнике я тогда не думал и о своей навязчивой идее ему не заикался.

Но дальше началась цепь странных совпадений, каких было немало в истории нашей дружбы. Как-то Володя пришел ко мне домой и ни с того ни с сего задумчиво сказал:

– Ты знаешь, оказывается, Махно никого не расстреливал, хотя постоянно грозился, мол, лично расстреляю. Это все вранье, что нам про него рассказывают.

Я буквально подскочил на стуле:

– А откуда ты об этом знаешь?! Ты что, интересуешься Махно?

Володя в ответ рассказал, что Валерий Золотухин утвержден на роль Махно в фильме «Салют, Мария!» и что ему для работы над ролью принесли из спецхрана рукописи воспоминаний Галины Кузьменко, вдовы атамана.

Когда до меня дошел смысл сказанного, я бросился к моей соседке, актрисе Театра на Таганке Татьяне Иваненко, и стал умолять ее переговорить с Золотухиным – пусть он хоть на несколько дней даст мне эту рукопись. Взамен обещал одолжить Валерию трехтомник Мандельштама американского издания. Изумлению Золотухина, по словам Татьяны, не было предела: ничего он о рукописи Кузьменко не слышал и никто ему ее не давал. Получалось, что Володя все это придумал. Но мне теперь почему-то кажется, что Золотухин просто состорожничал...

Позже выяснилось еще одно совпадение: дядя Андрея Тарковского, уроженец Екатеринослава, работал секретарем у Махно. Более того, у Андрея имелись ценные материалы об истории махновщины, и он готов был мне их предоставить. (Последнее в этой череде совпадений выяснилось после ухода Высоцкого из жизни: день смерти Нестора Махно – 25 июля...)

В общем, я решил, что настала пора посвятить Володю в мои «махновские» замыслы. Володя отнесся к ним с неожиданным интересом.

При разговорах о будущем сценарии я особенно напирал на то, что без «Охоты на волков» (которой я тогда буквально бредил) не будет и самого фильма: уж очень точно отражала эта песня судьбу и самого Махно, и поднятого им народного движения. Уверял, что «Охота» – одна из вершин романтической поэзии, что ею, в сущности, исчерпывается «волчья» тема, восходящая к «Смерти волка» Альфреда де Виньи. Видимо, эти мои восторженные высказывания и привели – уже много позже – к такому вот интересному Володиному признанию. В ответ на мои слова, что его «Нинку» можно считать гимном анархическому своеволию, он очень серьезно возразил: «Нет, не «Нинка», а «Охота на волков» – настоящий гимн Анархии».

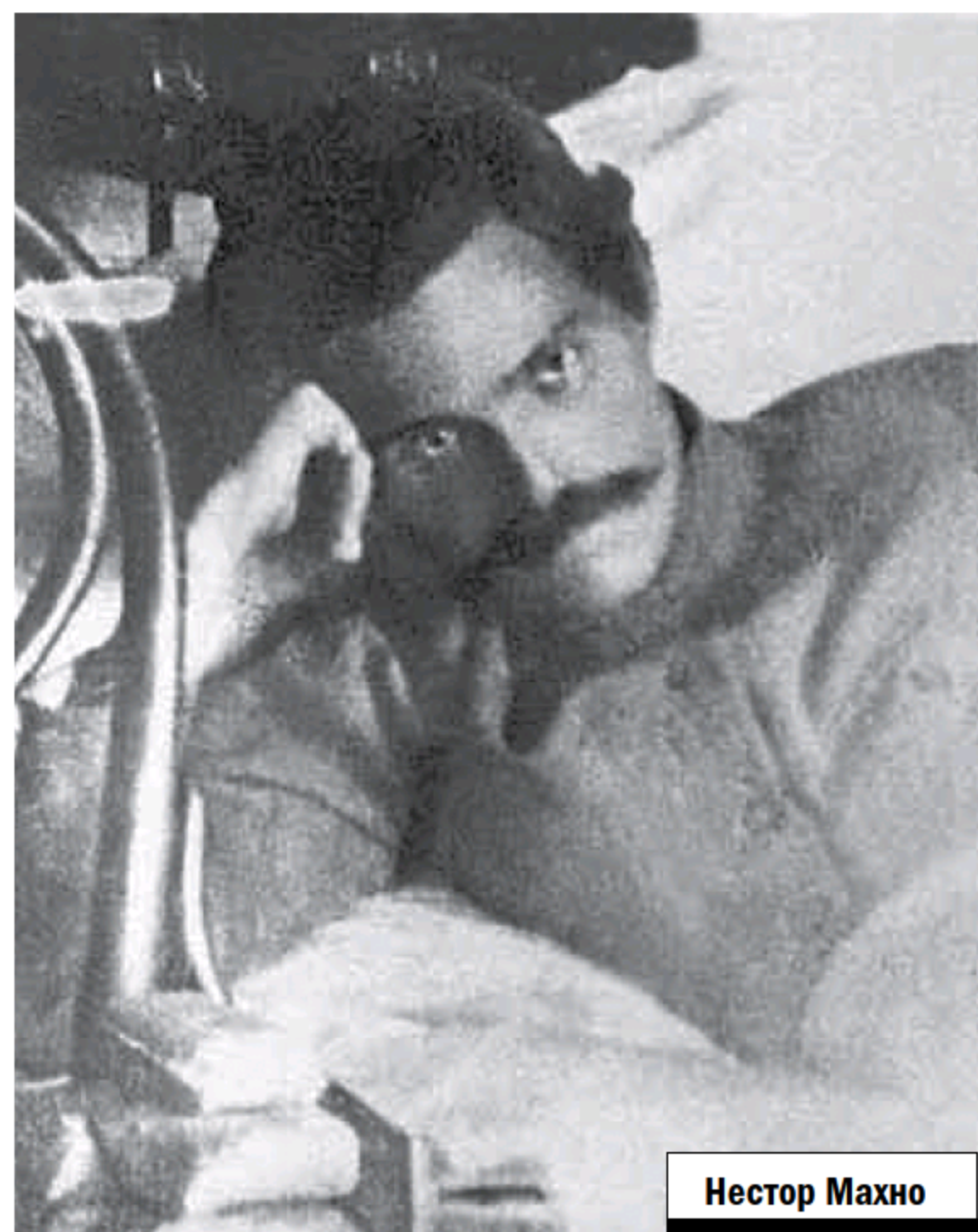
...Дальше – больше. Именно в то лето домой к Высоцкому дважды приходил какой-то молодой человек из Донецка. Володя тогда был в плохом состоянии, но во второй раз я «дежурил» около него и смог поговорить с приехавшим. Оказалось, что он работает в Донецке в какой-то студии звукозаписи, делает «левые» записи популярных певцов и ими торгует – в общем, делец и ловчила. Обещал большие деньги, если Володя приедет в Донецк. Мне он не понравился сразу – неприятнейший субъект с мутными глазами. Тем не менее я пересказал Володе этот разговор. Деньги ему, естественно, нужны были всегда, на мои предостережения и опасения он отреагировал слабо. И, когда вскоре я в очередной раз завел разговор о Гуляйполе, Володя задумчиво сказал:

– Мне вообще-то надо бы съездить в Донецк. Этот тип из студии звукозаписи – что ты о нем думаешь?

Я подскочил на месте.

– Поехали! Гуляйполе и Донецк – это рядом.

Володя поддержал мою идею – совместить приятное с полезным: рационализм в нем (на трезвую голову) всегда присутствовал. Что тут же проявилось еще и в такой

Нестор Махно

детали. Перед самым отъездом из Москвы – ночевали у меня дома – он предложил взять с собой мой большой джинсовый мешок.

– Купим яблок в Белгороде – там есть замечательные сорта.

(Видимо, в тот момент он вспомнил о сыновьях. И мы действительно привезли полный мешок великолепных белгородских яблок и братски их поделили.)

Ехать решили, конечно, на машине – у меня тогда был «Москвич» в экспортном исполнении: престижная по тем временам модель, с четырьмя фарами. Имелась, правда, одна загвоздка: автомобиль был оформлен на мою жену Мишель Кан, поэтому номера на нем были не обычные – с белыми цифрами на черном фоне, – а белые с черными цифрами, как у всех иностранцев. С такими номерами без специального разрешения ГАИ нельзя было выезжать за пределы Московской кольцевой дороги.

Сходили с Володей в ГАИ. Обычная волокита: «Не знаем, нет инструкций, зайдите попозже». Никакие логические доводы не помогали, а обивать пороги начальства не хотелось. Володя было заколебался, но тут уж я настоял, сказал, что как-нибудь проскочим, что провинциальные гаишники и не поймут про наши белые номера – документы-то у нас советские. Володя неуверенно капитулировал: «Давай попробуем».

И вот ни свет ни заря мы рванули из

Карапетян и Высоцкий.
Август 1970 г.

Москвы. Было 21 августа 1970 года.

Каким-то чудом благополучно миновали заспанный пост ГАИ на кольцевой, при выезде из столицы. Первую остановку сделали в Обояни. Зашли перекусить в первую попавшуюся столовую. А ночевали уже в Харькове: в центральной гостинице на площади Дзержинского.

На ужине в ресторане к нашему столу подсади какие-то подвыпившие альпинисты, с которыми Володя был необычайно сух. Помню, они рассказывали историю гибели молодой альпинистки, видимо, ища у него сочувствия. Заметив его сдержанность, извинились и отошли. Меня удивила такая демонстративная холодность, и на мой безмолвный вопрос Володя раздраженно ответил:

– Они поддатые, а я трезвый – какой может быть разговор?

Потом мы обнаружили, что у машины село колесо, нужно искать новое. В те времена достать колесо с камерой было непросто, но какой-то харьковчанин, увидев нас в автоматах, предложил по госцене собственную запаску. Заехали к нему домой, и он нам сам ее поставил – такой чисто дружеский жест. Володя очень обрадовался: «Наверняка он узнал меня».

В Донецк приехали пополудни. На въезде в город нас остановили местные гаишники, поинтересовались, почему это у нас белые номера, попросили документы. Володя отшутился:

– Черные кончились – вот нам и дали белые.

И они нам поверили!

Пошли искать человека из ателье звукозаписи. По адресу, что он оставил, его не оказалось. Куда пропал – никто не знал (или не говорили). Вся затея с заработком рухнула, можно сказать, на корню. Ребята из студии захотели сняться на память вместе с Высоцким. Позвали фотографа из соседнего ателье, и тот щелкнул нас всех на пленэре – эта групповая фотография известна теперь по публикациям.

...Стоим мы с Володей в центре города, между студией и Оперным театром, думаем,

что делать дальше. Решили попробовать устроиться в гостинице, а с утра пораньше махнуть в «Махновию».

Вдруг подбегает какой-то юноша, обращается к Володе:

– Вы меня помните? Нас познакомили...

Оказался он актером Волгоградского драмтеатра – их труппа гастролировала в эти дни в Донецке. Узнав о наших проблемах, юный актер тут же предложил:

– А вы ночуйте у меня, нас всех разместили по квартирам.

...Вечером мы зашли на главпочтамт, Володя отправил большое письмо Марине. Переночевали и на следующий день – в путь.

И вот мы на автострате, ведущей прямоком в Запорожье. За спиной индустриальный пейзаж горняцкой столицы, вокруг – степь, полдень, Украина. И мы, двое «москалей», в поисках приключений. Красоты природы Володю, кажется, не трогают – стиснув зубы, он твердит только одно: «Жми! Обгоняй! Быстрее!» Пикантность ситуации состоит в том, что, кроме пары-тройки «жигулят», обгонять, в сущности, некого. Ни тебе «линкольнов», ни «мустангов».

Следуя указателям, сворачиваем с центральной трассы на тряский гайдамацкий шлях, и я демонстрирую чудеса маневрирования, чтобы не врезаться сдуру в сочные бока мордастых племенных коров и смиренные колымаги с сеном. Но Высоцкий неумолим, в нем не унимается великий подстрекатель и экспансионист: «Быстрее! Еще быстрее!» Раззадоренный, я вхожу во вкус и, вдавив до упора акселератор, выжимаю заветные сто в час!

Мелькают дорожные надписи – названия, от которых веет горькой гарью Гражданской войны: Большой Янисоль, Конские Раздоры, Константиновка, Великая Новоселовка...

Мы летим так, словно нас по пятам преследует конница Буденного или Шкуро. Тучные гуси, чопорные индейки, степенные хрюки – казалось, вся цветущая колхозно-приусадебная Украина, весело огрызаясь,

разлетается из-под наших колес. С форсом обогнав напоследок шарахнувшийся от нас допотопный «Запорожец», вылетаем на шоссе и с разбегу окунаемся в пронзительную просинь окоема, отороченную знойной желтизной подсолнухов.

Неудержимо хотелось пропитать Володю этой желто-блакитной свободой перед решающим испытанием Европой – встречей с Мариной Влади...

Их сногшибательный роман неумолимо приближался к предсказуемой юридической развязке. Не имело смысла гадать, станет ли прекрасная «колдунья» долгожданным «отдыхом повстанца»... Хотя умом я и одобрял крутой поворот его судьбы, но каким-то шестым чувством все же ощущал опасность этой приворотной женитьбы для «моего» Высоцкого – опасность измены самому себе, своей миссии.

И вот Володя, словно читая мои мысли, просится за руль. Я ликую: конечно же, эта финишная прямая – его, именно он должен первым пересечь эту символическую черту – цель нашего ретропробега! До Гуляйполя было рукой подать, а за горизонтом уже смутно угадывалась Запорожская Сечь – воспетая Гоголем странная республика «вольного неба и вечного пира души», продолженная во времени эпопеей махновщины. Оборачивалась явью моя мальчишеская затея – скрестить в пространстве судьбы двух иноходцев века, Высоцкого и Махно.

Мы поменялись местами. Оказавшись на безлюдной трассе, Володя с места в карьер рванул в заманчивый оперативный простор.

Беснующийся спидометр и неотвратимо надвигающееся Гуляйполе бередили душу «гибельным восторгом», извлекая из памяти самые уместные в тот момент строки:

Может, выход в движенье, в движенье,
В голове, наклоненной к рулю,
В бесшабашном головокруженье
И гибели на краю...

Необъяснимая фатальность: почти сразу после того, как я произнес эти стихи, именно так все и случилось. Обсудить поэтику Ахмадулиной нам помешал внезапно возникший поворот. Со скрежетом остановившись и чуть поразмыслив, наш «Москвич» закружился в неуклюжем фуэте, соскользнул на край обочины и, неловко перевернувшись, кубарем покатылся вниз. И – самопроизвольно встал на колеса: несмотря на кульбит, он вовсе не собирался сходить с дистанции.

Удивительное дело: хотя наши головы покоились на сиденьях, а конечности были крабообразно разбросаны по салону, ни ушибов, ни царапин у нас не было. Мы, чертыхаясь, выползли из машины и – оказались буквально в чистом поле, колко синеем в вальсиками и прочей фольклорной атрибутикой.

Дебют Высоцкого в роли автоаса длился не более пяти минут...

Машине, конечно, досталось: и кузов помяли основательно, и что-то повредили в моторе – закапало масло. Пока мы пытались вылезти из кабины, к нам подбежали трое деревенских парней. Чисто бабелевские персонажи. Один, верзла в косую сажень в плечах, – вылитый гайдамак со страниц Гоголя или Шевченко, двое других – куда поживе. Владелец полускошенного маргинального черепа наверняка был потомком какого-нибудь рядового комбедовца из незаметных селян. Третьего же можно было назвать чононец – именно такими я представлял себе орудовавших здесь в гражданку славных бойцов этих элитных частей.

Услышав, что мы держим путь в Гуляйполе, «комбедовец» покосился за латыми «бормотухой» глазами на наши загадочные номера и криво усмехнулся:

– А-а-а, махновцы?

Я похолодел: эта зловещая интонация недвусмысленно расставляла все социальные и политические акценты. С надеждой посмотрел я на «гайдамака» и не прогадал.

– Ребята, давайте мы вам выправим машину.

– А как?

– Да ногами. Трояк не пожалеете?

– Об чем речь!

«Гайдамак» улетел на заднее сиденье и мощными ударами гигантских ступней за каких-нибудь пять минут выправил кузов. Славному потомку сечевиков ассистировал «чононец». «Незаметник» же наблюдал с видимым неодобрением. Сев на водитель-

ское место, он задумчиво покрутил руль, с минуту погляделся в большое панорамное зеркало, тихонечко вышел и – был таков. Вместе с ключами от нашей машины.

Из сбивчивых объяснений двоих оставшихся вырисовалась подоплека его внезапного выпада: то был целенаправленный акт мести областному центру Донецку, где его когда-то за что-то оштрафовала местная милиция. Угрозидло же нас так некстати вляпаться в вековую тяжбу города и деревни, тем паче украинской! Разжившиеся трешкой селяне и не думали догонять третьего. Никакой враждебности к «проклятым кацапам» они не проявляли, но и помогать не торопились.

Володя опомнился первым. Попав в непонятное, он сориентировался мгновенно. Сразу внутренне собрался, выведаль имя похитителя и, велел мне оставаться на месте, устремился в погоню.

Чуть поколебавшись, я все же решился прибегнуть к испытанному приему, хотя здесь, вдали от очагов культуры, шансы на успех были мизерны. Стараясь казаться бесстрастным, как бы невзначай спрашиваю:

– Ребята, а вам знакома такая фамилия – Высоцкий?

– Ну, знаем. А чего?

– А того, что это, – выдержав эффектную паузу, жестом Наполеона при Аустерлице я простер руку в сторону удалявшегося Володи, – он и есть!

Не потребовав никаких доказательств, ошеломленный «чононец» ринулся за Володей.

– А в машине его гитара!! – со злорадно-гаденким ликованием послал я ему вдогонку мелкую дробь «низких истин».

Сверкая пятками, тот понесся рысью.

– А еще он батьку Махно будет играть!!! – зацепил я его напоследок одиночным выстрелом военной депешки.

Ошалевший «чононец» перешел на семимильные скачки.

– А че это вы нам сразу не сказали? – попытывался тем временем мой добродушный «гайдамак».

– А чего попусту бахвалиться?! Он этого не любит.

Спустя минут сорок – уже солнце зашло – все трое, весьма возбужденные, возвратились обратно.

И началось братание...

Случившееся было не просто занятным дорожным приключением с благополучной развязкой, а событием исторической важности. В тот день, 23 августа 1970 года, в шесть часов пятьдесят минут, в забытом Богом захолустье Владимир Высоцкий первым в русской поэзии буквально реализовал гениальную метафору Игоря Северянина: «Я повсеградно озкранен! Я повсесердно утвержден!»

Тут же тормознули какую-то «Победу», с помощью троса соединили ее с нашим бедолагой-«Москвичом» и вытащили на трассу.

– Ну что, куда поедет? – предоставил мне право выбора Володя.

Я уже отработанным театральным жестом протянул руку на запад – в сторону махновской столицы, но Володя остудил мой пыл, предложив вернуться в Донецк, привести машину в порядок. Он твердо пообещал: «Завтра ты увидишь Гуляйполе».

«Побратимы» захотели нас немного провонять и завалились на заднее сиденье. Володя не мешкая перевел разговор на тему Махно, и в течение часа мы с любопытством слушали их были и небылицы о легендарном земляке.

Самым осведомленным оказался «чононец». Мы с Володей часто вспоминали потом его фразу: «Конечно же, останься Махно с красными, быть бы ему маршалом. Но – не захотел».

Расстаемся друзьями. На прощание они дарят нам две большие головки подсолнуха.

Едем, подводя итоги: машина еле ползет, из-под капота обильно стекает масло – поврежден радиатор. Завечерело. Появляется уникальный шанс – заночевать в чистом поле под дивными украинскими звездами.

Сквозь сгущающиеся южные сумерки замечаем силуэты двух голосующих женщин. Им надо в Макеевку.

– Мы едем в Донецк.

– Ну хоть до Донецка. Мы вам покажем дорогу.

Посадили их, угостили подсолнухами,

Свадебное путешествие,
1971 г.

разговорились. Одну из них звали Аллой. Обе трудились на одной из крупных макеевских шахт. Узнав о наших трудностях, Алла предложила переночевать у нее, а подруга обещала через мужа помочь нам с машиной. Я заколебался, но Володя стал меня убеждать:

– Давай поедem. В такое время в Донецке могут быть проблемы с гостиницей.

А когда мы уже подъезжали, Володя вдруг спросил:

– А вы могли бы организовать мне концерт на вашей шахте?

– Чей концерт?

– Высоцкого, – вмешиваюсь я. – Это Владимир Высоцкий.

Женщины сначала нам не поверили – сами потом признавались: глухомань, какие-то греки (так они решили, видимо, из-за моей внешности) на разломанной машине, и вдруг – Высоцкий!

И вот, наконец, замелькали скудные огни Макеевки. Хотя был уже двенадцатый час ночи, Алла накормила нас роскошным украинским борщом с ватрушками.

Проснулись утром – на столе плотный завтрак, одежда наша вычищена, выглажена дочкой Аллы. Опрятность, простота, заботливость – снова пахло благословенным Миргородом...

Не рассиживаясь, поехали в шахтоуправление, зашли в кабинет председателя профкома. Тот вопросительно на нас воззрился, и тогда наша хозяйка с плохо скрытым торжеством выпалила:

– Смотрите, кого я вам привезла! Это Высоцкий с другом. Хотят дать концерт для наших шахтеров. Попали в аварию по пути в Гуляйполе. Там и познакомились.

Мы объяснили, что приехали собирать материалы для фильма о Гражданской войне – про Гуляйполе и Нестора Махно, роль которого будет исполнять Высоцкий.

Председатель выслушал нас внимательно, но явно недоверчиво. Извинившись, все-таки попросил Володю предъявить какой-нибудь документ и искоса оглядел мою мрачную кавказскую физиономию. Я невольно улынулся: уж очень напоминала эта сцена визит «детей лейтенанта Шмидта» к предисполкома города Арбата.

На нашего председателя Володина красная книжечка произвела неизгладимое впечатление. Володя сполна этим воспользовался, заявив польщенному профбоссу, что именно на шахте «Бутовская глубокая» он собирается впервые исполнить только что написанную оду горнякам – песню «Черное золото».

В порядке ответной любезности воодушевленный председатель внезапно предложил Высоцкому организовать официальный концерт во Дворце культуры и, получив согласие, тут же уладил все формальности с парткомом шахты и горотделом культуры. Ведь никакого маршрутного листа, дающего право на выступления, у Володи не

было и быть не могло. О платном концерте мы и не мечтали.

Договорились о двух концертах: один бесплатный – для утренней шахтерской смены, другой платный – во Дворце культуры, для всех желающих. Весь чистый сбор должен был пойти на ремонт машины, бензин и белгородские яблоки.

Не теряя времени, Володя изъявил желание спуститься в забой.

– Пожалуйста. – Наш благодетель одним телефонным звонком добился разрешения на спуск.

Переоделись мы в какую-то спецодежду, напялили каски. Спустились на километровую глубину, на так называемый горизонт. Походили там по вентиляционному штреку, понаблюдали.

Увиденное меня потрясло: то была сущая преисподняя. Как могут несчастные шахтеры выдерживать это в течение целой смены?! Через пару минут я уже задыхался от нехватки воздуха. Володя же хоть бы хны: знай себе носится вдоль вагонеток, что-то выясняет у сопровождающего нас инженера.

Мыслились мы в кабинках шахтерского душа. Володя очень хотел, чтобы мы снялись там на память в шахтерских касках, но рядом не оказалось фотографа. (Позже Высоцкому от имени шахтеров подарили такую каску.)

После обсуждения программы концерта молодые представители партийно-комсомольского актива пригласили Высоцкого пообедать, как бы случайно забыв обо мне. Машина уже тронулась с места, но Володя был начеку и велел активистам дать задний ход:

– Вы что это моего друга оставили?!

Повезли нас в Донецк, где мы и перекусили в каком-то кафе на открытом воздухе. Активисты вспоминали о выступлении на их шахте Евгения Евтушенко, о его несбывшемся обещании приехать еще раз. Поговорили и о Махно – в связи с нашей предстоящей поездкой в Гуляйполе. Начальники были искренне удивлены, что мы собираем какие-то новые материалы о пресловутом атамане: «А чего искать, ведь о нем уже у Алексея написано».

На другое утро Володя дал большой концерт в переполненной нарядной шахты – специально для горняков. Спел он им и «Черное золото», но слушатели прореагировали на нее без восторга.

Тогда Володя исполнил несколько легких песен – для бодрости, перед выходом на смену, и расшевелил аудиторию. Помню реакцию на «Поездку в город» – на слова: «Даешь духи на опохмелку»; помню сильный гул в зале – то ли акустика, то ли шахтеры переговаривались.

Как и обещала одна из наших попутчиц, ее муж, работавший начальником участка, подобрав группу умельцев, не мешкая приступил к косметическому ремонту нашего «Москвича». Договорились, что недостаю-

щую часть денег за проделанную работу мы вышлем им сразу же по возвращении в Москву.

Но к следующему утру машина еще не была готова, и мы отправились в Гуляйполе на служебной черной «Волге», которую нам любезно выделила дирекция шахты.

Из Макеевки мы выехали довольно рано. И наконец-то добрались до цели нашего путешествия. Смотрю во все глаза на маховскую столицу: хаты, повозки – ни одной автомашины, – казалось, время остановилось и отбросило нас вспять.

Узнав адрес племянниц Махно (Степная улица, 63), подъехали прямо к их дому. Наш стук вышла сама Анастасия Савельевна Мищенко – сплошная опаска и настороженность. Какая-то баба с возу, увидев нас, кричит ей:

– Ну шо, опять до Махна?!

Чистая украинка, Анастасия Савельевна плохо говорила по-русски. Но ее младшая сестра (кажется, двоюродная), прожившая много лет в Сибири и по характеру более открытая, помогала «переводить» нам рассказы сестры. Чтобы завоевать ее доверие, мы, задавая вопросы, намеренно величали дядю только по имени-отчеству: Нестор Иванович. Это сработало, и племянница, постепенно преодолевая подозрительность, стала рассказывать все, что помнила. Я временами задавал вопросы и записывал ее ответы, а Володя сидел рядом и с интересом слушал. Если, увлекшись рассказом племянницы, я вдруг забывал конспектировать, Володя с чуть заметным недовольством призывал меня к серьезности:

– Ты записывай, записывай.

Мол: «Ты же приехал сюда работать, а не лясы точить». К работе у него всегда было фанатичное отношение.

Первый же рассказ Анастасии Савельевны нас сильно смутил. Какой-то махновец отнял буханку хлеба у жителя Гуляйполя. Тот пожаловался батьке, обидчика быстро отыскали, он во всем признался, просил о снисхождении, но Махно был неумолим и лично расстрелял виновника из маузера. Выслушав этот эпизод, мы с Володей молча переглянулись...

Племянница рассказывала в основном о мирном, начальном периоде деятельности

Махно, когда он был избран председателем Гуляйпольского совдепа, страстно агитировал за безвластные советы и вольные коммуны, где вместе с крестьянами-бедняками могли бы трудиться и кулаки, и «кающиеся» помещики. Очень любил выступать на митингах, был невероятно энергичен и целеустремлен. «Церкви он не трогал, – подчеркнула она. – Но попов мог расстрелять, если те шпионили». (Оживленно обсуждая в машине на обратном пути наш визит, Володя выделил и этот момент: «Слышал – а церкви-то он не трогал...»)

Обе племянницы возмущались тем, как показывали их дядьку в кино: «Это неправда, он не был таким!» Но на вопрос Высоцкого, как Анастасия Савельевна относится к деятельности дяди, та ответила буквально следующее: «Отрицательно, потому что из-за него пострадали все мы, его близкие». Вот и борись после этого за народное счастье!

Но племянница не преувеличивала. Позже, уже в Москве, я узнал, что ее отец, старший брат и сподвижник батьки, ветеран русско-японской войны, был расстрелян большевиками – главным образом из-за своей фамилии. Другого брата, мирного, богобоязненного крестьянина Емельяна, расстреляли гетманцы – по той же причине. Третий, Григорий, погиб в бою с деникинцами. Тестя Махно, отца Галины Кузьменко, ликвидировали красные – также за родственную связь. Дом самого батьки сжигали неоднократно – то гетманцы, то белые, то красные. Оставшись без крова, он некоторое время ютился с семьей в тесной хате родителей Анастасии Савельевны, хотя мог реквизировать лучший дом в Гуляйполе. Впрочем, позже спалили и эту хату.

Трагично сложилась судьба и Галины Андреевны Кузьменко, бывшей первой красавицы и первой леди экспериментальной республики. Ее жизнь – остросюжетный приключенческий роман.

Мечтательная «невеста христовая» и отважная амазонка, школьная учительница в Гуляйполе и прачка в пансионе парижского пригорода, поднадзорная беженка в Бухаресте и работница хлопчатобумажного комбината в Джамбуле. Золотая медалистка женской семинарии и узница Юзефа Пилсудского и Иосифа Сталина.

Владимир Высоцкий с
Мариной Влади

Такими же резкими перепадами полна и личная жизнь Кузьменко: сегодня – беглая монашенка, невеста богатейшего барона, завтра – всесильный шеф следственной Комиссии контрразведки, жена атамана-бессребренника. О ее популярности говорят куплеты, которые горланили перебравшие повстанцы:

Ура, ура, ура –
Пойдем мы на врага,
За матушку, Галину,
За БАтька – за Махна.

В 1940 году, после оккупации Франции, Галина Кузьменко была вывезена вместе с дочкой на принудительные работы в Германию. В 1945-м, после разгрома рейха, выдана союзниками органам НКВД, судима и приговорена к десяти годам заключения. Освободившись по амнистии в 1954 году, прозябала вместе с дочерью в казахстанской глуши. Побывала пару раз в Гуляйполе.

Обо всем этом мне стало известно много позже. А в тот день Анастасия Савельевна не стала ничего рассказывать о репрессированной родственнице – лишь подтвердила факт ее красоты, отвечая на наш с Володей единственный вопрос, в котором совместными усилиями мы блеснули знанием украинского:

– Чи то правда, шо Галина була гарна дивчина?
– Дуже гарна.

Рассказала племянница и про то, как Махно в качестве военной хитрости устраивал карнавалы свадьбы. (Об этом есть у Бабеля: натура артистическая, Нестор Махно любил такие яркие, красочные действия с переодеваниями, причем чаще всего наряжался вражеским офицером, церковным служкой или невестой. Именно в роли невесты обессмертил Махно в графическом цикле «Махновщина» замечательный художник Чекрыгин.)

Махновщина вообще сама по себе была вдохновенной импровизацией на подмостках Украины, разыгранной в духе «Театрального Октября» драматической вакханалией, в которой жизнь и смерть – не знатные «варяжские гости», а часть грандиозной массовой. О таком народном театре под открытым небом Мейерхольд с Вахтанговым могли только мечтать.

...Я спросил Анастасию Савельевну, нет ли у нее фотографии дяди. Оказалось, кое-что есть. Она вынесла прекрасное фото Махно с дочкой Леной: прелестная девочка лет восьми – десяти рядом с отцом – симпатичным, интеллигентным, при галстуке и – с шашкой на боку. Я заметил, как удивил Володю этот снимок. Показала также большую настенную, грубо ретушированную фотографию дяди и письмо от Махно – вместе с фотокарточкой оно спокойно пришло из Парижа в начале тридцатых.

Племянница заверила, что, кроме этого письма, у них от дяди ничего больше не осталось; что с этого снимка мы можем снять копию, но нам она его не отдаст, потому что уже приезжали какие-то люди из города, взяли фотографию с Махно и не вернули.

– Да это наверняка наши Фрид и Дунский, – улыбнулся Володя, имея в виду сценаристов фильма «Служили два товарища».

Меня заинтриговало содержание письма:
– А о чем Нестор Иванович вам пишет?
– Да о своем житье-бытье в Париже.
– А чем он там занимался?
– Журналистом был. Статьи писал всякие.

Мы были поражены: надо же, «отпетый головорез» и – интеллектуальный труд?!

Очень хотелось увидеть кого-нибудь из оставшихся в живых сподвижников Махно. Оказалось, что недалеко живет дед, воевавший какое-то время вместе с батькой. Сейчас он трудился в совхозе имени Энгельса. Поехали искать этого махновского ветерана.

Надо сказать, что местные жители боялись говорить с нами на эти темы. Мы им на все лады объясняли, что Володя – актер, а я – сценарист, что к ГПУ и НКВД мы никакого отношения не имеем, но ничего не помогало: какой-то подспудный страх сидел в них до сих пор – крепко, видно, их в свое время прижали.

В конце концов удалось разыскать этого соратника. Оказалось, что пробыл он у Махно лишь несколько месяцев, а потом жена (она присутствовала при нашей беседе – моложавая, бойкая женщина) предъявила

ему ультиматум: или семья, или ратные подвиги – и увела его из боя. Простые слова, живые интонации, бытовые детали – это для меня было главным в рассказе старика. Поведал он нам и о начале вооруженной борьбы Махно с немецкими оккупантами и гетманщиной. Узнав об очередных бесчинствах карателей над мирным населением, батка собрал самых верных своих соратников (среди них был и наш дед) и, обнажив шашку, призвал к отмщению: «Око за око, зуб за зуб!» Вспоминая батку и его белого коня, старик прослезился. Он трактовал его как настоящего сказочного витязя, бесстрашного народного вожака.

Коснулся дед и теневых сторон махновского движения, признав, что армия кишела уголовными элементами. В подтверждение своих слов рассказал кошмарную историю, свидетелем которой был он сам: о старом, мирном еврее с библейской бородой, повешенном «повстанцами» на телеграфном проводе. Во время казни глаза у несчастной жертвы готовы были вылезти из орбит, «как у Ивана Грозного, убивающего сына, помните картину художника, как его... Репина» – так он, удивив нас эрудицией, закончил свое страшное повествование.

– А как реагировал сам Нестор Иванович на подобные зверства?

– Когда узнавал, то виновных расстреливал на месте. Да разве за всеми уследишь?

...За «грехи юности» старик поплатился длинным сроком лагерей, хотя никакого участия в борьбе собственно с Советской властью не принимал. Это подтвердила и его жена. Его единственным преступлением было то, что с немцами, гетманом и Петлюрой он сражался вместе с Махно.

Володя спросил у него, что он думает о махновщине на закате жизни. Вот его дословный ответ: «Раз он проиграл, значит, правда была не за ним. Нельзя было идти против большинства...»

Вечером того же дня, уже в городе, где мы снова ночевали у Аллы, Володя рассказывал о нашей поездке, и было заметно, что он уже входит, «вживается» в роль Махно... И газета «Вечерний Донецк» пишет об этом же: «Итак, все, кому довелось встречаться с Высоцким, утверждают, что он задумал фильм, готовился исполнить в нем роль атамана...»

...Вечерний концерт Высоцкого во Дворце культуры прошел успешно, но без особого ажиотажа. После концерта к нам подошли молодые шахтеры из числа комсомольских активистов и говорили Володе примерно следующее: «А почему у вас такие грустные песни? Нету в них бодрости, оптимизма. Я вот доволен своей работой, своей жизнью»; «А как вы относитесь к Ободзинскому?». В их репликах смутно улавливалось инстинктивное классовое недоверие к Высоцкому: «Вроде бы свой, а все ж таки не Хиль, не Кобзон».

Накануне отъезда, в тот же вечер, на квартиру к нашей хозяйке пришли дети

Могила Высоцкого на Ваганьковском кладбище

шахтерской элиты (местная «золотая молодежь»), чтобы пообщаться с Вами. Узнав, что мы попали в аварию, собрали между собой какие-то деньги и передали Володе. Ребята принесли с собой выпивку, девушки – термос с кофе на дорогу. Во время ужина Володя, конечно, не пил, но мне сказал чуть раздраженно:

– Выпей с ними, будь попроще, не надо людей обижать.

В этот вечер он много пел (хотя записывать себя почему-то не разрешил), охотно отвечал на вопросы, раздавал автографы. Гости разошлись уже за полночь.

А ранним утром мы были в пути. Машина – на ходу, масло – не течет. Где-то около Курска Володя вновь сел за руль. Тогда впервые у нас с ним произошло нечто вроде ссоры. На этот раз я не выдержал и повысил на него голос:

– Ну зачем ты поехал на красивый? Люди ведь могут из-за тебя пострадать!

– Если будешь так со мной разговаривать, то мы поссоримся. Ну да, я знаю, ты меня любишь, но этот тон...

– Но ты же знаешь, что сейчас я за тебя отвечаю. Перед Мариной, перед матерью – да перед всеми!..

На этот раз Володя промолчал. И до самого возвращения в Москву больше за руль не просился. О ссоре мы не вспоминали – быть может, он признал мою правоту.

В Москве он мигом пристроил мою машину на станцию техобслуживания – по блату, через знакомого замминистра. Но министерский блат не очень-то помог: мастера мне дали понять, что по госрасценкам они стараться не будут. И запросили грабительскую сумму – триста рублей. Узнав об этом, Володя на следующее же утро приехал ко мне, выложил требуемые триста и, улыбаясь, сказал:

– Теперь ты видишь, кто твой единственный друг?

...Через пару лет я получил из Франции письмо – запоздалый отзыв нашего путешествия в Гуляйполе. Вот что сообщила благополучно эвакуировавшаяся в «забугорье» Мишель Кан: «Приятель друзей, ленинградский художник, попавший сюда с женой и детьми через Израиль, рассказал мне следующее. У его знакомой, потомка художника Ге, с которой я тоже познакомилась (старушка лет восьмидесяти, с фигурой сорокалетней, страшно милая), висит в гостиной странный рисунок, явно не профессиональный. Когда он увидел подпись, то остолбенел: «Откуда у вас этот рисунок и знаете ли вы, кто это?»

Автора рисунка старушка видела всего один раз, кто он такой, не имела понятия, просто рисунок ей почему-то понравился, и она его сохранила. Почему-то в начале тридцатых привел к ней на вечеринку один ее знакомый. Это был довольно плохо одетый и ничем не примечательный мужчина маленького роста. Но он привлек всеобщее внимание, когда внезапно забился в конвульсиях. Вызвали врача. Тот посоветовал оставить его ночевать, поскольку двигаться ему было никак нельзя.

Наутро, когда хозяйка зашла его прове-дать, он был уже здоров и выразил желание как-то ее отблагодарить. В знак признательности он и оставил ей на память этот рисунок. А имя того человека было – Нестор Махно...»

Редакция благодарит Государственный культурный центр-музей В.С. Высоцкого за помощь в подготовке материала.

Александра ИВАНОВА

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

ПОСЛЕДНИЙ

20 ноября 2018 года исполнилось 90 лет со дня рождения Алексея Баталова – талантливого киноактера, режиссера, сценариста, педагога. Интересный, умный собеседник, хороший, отзывчивый человек – так говорят все знавшие его лично. Баталов всегда покорял зрителя особой теплотой, благородством, интеллигентностью. Он был иконой советского кино, а его голос, по словам одного дружившего с ним режиссера, – «это отдельное произведение искусства»...

Лет десять назад довелось услышать из уст одного вгиковского преподавателя такую историю. Первокурсник актерского факультета после первых месяцев учебы восторженно делится впечатлениями: «У нас руководитель курса – такой классный дядька! А оказывается, он еще и в кино снимался!» Ни в коем случае не хотелось бы бросать тень на современных вгиковцев – они разные и не все среди них такие невежды. Речь идет всего лишь о безмерном обаянии Алексея Владимировича и его потрясающем педагогическом мастерстве, способном заинтересовать, увлечь, околдовать профессией.

Во ВГИКе он преподавал с 1975 года, с 1989-го заведовал кафедрой актерского мастерства, в качестве руководителя курса выпустил 7 актерских мастерских. О спектакле его студентов, сделанном по знаменитой поэме Самуила Маршака «Мистер Твистер», говорила вся Москва. Наверное, для своих студентов он был не только проводником в профессии, но и мудрым наставником, человеком, который передавал им свой жизненный опыт и культуру, накопленную не одним поколением. Ему было, чему их научить и о чем рассказать.

ДЕТСТВО В ЦАРСТВЕ МУЗ

Алексей Баталов родился 20 ноября 1928 года в театральной семье. Мама – актриса Нина Ольшевская, отец – актер Владимир Баталов. Тетя и дядя – тоже знаменитые актеры – Ольга Андровская и Николай Баталов. Детство и юность Алексея прошли в Москве. «Я жил в закрытом дворе МХАТа, по улице мама будущего актера создала свой театр, который объезжал полстраны. Конечно, выступали и в госпиталях перед бойцами (наверняка этих молодых парнишек, пришибленных, покалеченных войной, вспоминал Алексей, когда создавал бессмертный образ Бориса в фильме «Летят журавли»), и на предприятиях. В такое тяжелое время люди, как никогда, тянутся к светлоте, настоящему, тому, что может дать только подлинное искусство.

За это время Баталов овладел множеством профессий – был и рабочим сцены, и бутафором, и декоратором, и статистом. Тогда же впервые вышел на сцену и как артист. Поэтому вполне логично, что, вернувшись в Москву, он поступил в Школу-студию МХАТ. Затем была армия, которая для него обернулась служением в Центральном театре Советской армии. Опять выступления в воинских частях, перед солдатами, но теперь уже, к счастью, в мирное время.

После этого – четыре года службы во МХАТе, не принесшие ничего интересного для актера в творческом плане. И тут на помощь приходит еще одна муза – кинематографическая.

каток сталинских репрессий не обошел баталовскую семью. Бабушка, дедушка, два дяди Алексея Владимировича были осуждены как «враги народа». Будущий актер ни минуты не сомневался в невинности своих родственников. «...Что бы мне ни пытались вдолбить в школе пионерские или комсомольские начальники, я никого из родни не предал, – говорил он. – Один родственник похоронен в братской могиле во Владимире, второй остался на лесоповале под Кандалакшей. Бабушка умерла, отсидев бог знает сколько лет за то, что была дворянкой и еще кем-то, кем быть возбранялось».

Ну а если вернуться к музам, стоит, наверное, отметить, что, когда юный Баталов показал свои стихотворные опыты Анне Ахматовой (это ж надо было смелости набраться), «королева» поэзии произнесла: «Это – стихи». Из ее уст услышать подобное – великая похвала. Но с поэзией Алексей свою жизнь так и не связал, а вот к прозе обращался. Из-под его пера впоследствии вышли книги «Диалоги в антракте» и «Судьба и ремесло». И все же актерская порода взяла верх над всем.

Алексей Баталов со своими учениками
«РИА НОВОСТИ».

Вплотную с театральным делом Баталов познакомился во время войны. В эвакуации в Бугульме мама будущего актера создала свой театр, который объезжал полстраны. Конечно, выступали и в госпиталях перед бойцами (наверняка этих молодых парнишек, пришибленных, покалеченных войной, вспоминал Алексей, когда создавал бессмертный образ Бориса в фильме «Летят журавли»), и на предприятиях. В такое тяжелое время люди, как никогда, тянутся к светлоте, настоящему, тому, что может дать только подлинное искусство.

За это время Баталов овладел множеством профессий – был и рабочим сцены, и бутафором, и декоратором, и статистом. Тогда же впервые вышел на сцену и как артист. Поэтому вполне логично, что, вернувшись в Москву, он поступил в Школу-студию МХАТ. Затем была армия, которая для него обернулась служением в Центральном театре Советской армии. Опять выступления в воинских частях, перед солдатами, но теперь уже, к счастью, в мирное время.

После этого – четыре года службы во МХАТе, не принесшие ничего интересного для актера в творческом плане. И тут на помощь приходит еще одна муза – кинематографическая.

С ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОДМОСТКОВ ПОД ПРИЦЕЛ КИНОКАМЕРЫ

Компенсировав театральную рутину, в жизнь актера постепенно стал входить кинематограф. Первую большую роль в кино сыграл в 1954 году, это был фильм «Большая семья» режиссера Иосифа Хейфица. Потом подряд – «Дело Румянцева», «Мать». И тут Баталов решается на довольно смелый поступок – уходит из театра. «Когда я подал завтруппой заявление, он от ужаса начал бегать по кабинету, а я, по его словам, на какое-то мгновение потерял сознание, – вспоминал актер. – Это было первое заявление об уходе по собственному желанию за всю историю Художественного театра... Вопрос решался на принципиальном уровне – ломалась вся моя жизнь. Я же не просто терял работу в театре, московскую прописку, жилплощадь. Мосты сжигались окончательно, назад меня никто уже не взял бы... Но выбор я сделал осознанно».

Итак, позади МХАТ, а впереди «Ленфильм» и долгая жизнь в кино. До 1975 года

Вообще, в человеческой судьбе не бывает ничего проходного, лишнего, случайного. Просто кто-то проходит мимо, не видя этих важных знаков, а кому-то дана счастливая особенность подмечать, вдумываться и не упускать. Эти качества можно и развить в себе, только чаще всего мешает лень, ведь люди, как известно, ленивы и нелюбопытны. Но не таков был Алексей Владимирович Баталов.

Такие истории в его жизни случались не раз. Во время лечения в глазной клинике в Симферополе (актер испортил зрение, когда снимался в «Даме с собачкой») ему прислали сценарий фильма «Девять дней одного года». Сценарий настолько потряс актера, что он тут же, не раздумывая, сел в свой «Москвич» и помчался в столицу. Удивил этим и режиссера, и всю съемочную группу, но так велико было желание сниматься в этой картине. Вот только Баталов плохо переносил яркий свет, а тут еще эта проблема с глазами. Все понимали, что ему будет сложно сниматься при ярком освещении, которое требовалось: пленка в то время была еще очень низкочувствительной. Что было делать? Вспоминает соавтор сценария картины Даниил Храбровицкий: «Мы решили поехать на пленочную фабрику, рассказали инженерам и рабочим о фильме, о Баталове, попросили нам помочь. И нам помогли! Нам дали пленку, которая проходила испытания. Оставался год до ее выпуска, но для нас сделали исключение и сказали: «Будьте спокойны, пленка надежная». С коробками пробной пленки мы приехали в Москву, и с Баталовым все решилось». За роль физика-ядерщика Дмитрия Гусева в фильме Михаила Ромма «Девять дней одного года» Алексей Баталов был признан лучшим актером 1962 года по опросу читателей журнала «Советский экран».

ПЯТЬ РОЛЕЙ У ОДНОГО РЕЖИССЕРА

Бывает так, что складывается счастливый режиссерско-актерский тандем, и актер, и режиссер находят друг друга и результатом этой встречи является серия удачных картин. Баталов снялся сразу в пяти фильмах у режиссера Иосифа Хейфица. Все роли разноплановые и интересные. В 1955 году сыграл,

например, шофера Александра Румянцева в картине «Дело Румянцева». Специально для этой роли научился водить большие грузовики.

А в 1960 году случилась «Дама с собачкой». Как считал Иосиф Хейфиц, «... в этом рассказе выражены нестареющие призывы к красоте человеческих отношений. И думаю, что они и сейчас могут прозвучать вполне современно. Чехов – наш союзник в борьбе с остатками пошлости». В образе Гурова Хейфиц видел исключительно Алексея Баталова, несмотря на то что многие его отговаривали. Сам актер давно мечтал об этом: «Мне очень хотелось работать над этой ролью. И потому, что это – экранизация чеховского рассказа. И – в силу моей неразрывной связи с Художественным театром. Кроме того, Гуров давал мне возможность перейти в другое амплуа, в круг совсем иных человеческих переживаний». Готовился к роли актер основательно – отпустил бороду, стал больше сутулиться. Просто многие считали, что он молод для этой роли, пришлось таким образом стариться. Правда, когда режиссер увидел эту бороду, то пришел в ужас, стал кричать: «Снимите эту бутафорию!» По его мнению, борода была уж слишком черна. Ничего, перекрасили. Главное, что за внешним скрывалось внутреннее – глубокая, чувствительная актерская душа, которая смогла раскрыть этот образ сполна. Картина имела не только российский, но международного успех, сам великий Федерико

Алексей Баталов был актером и режиссером Киностудии «Ленфильм» (что, конечно, не мешало ему сниматься и на других студиях). Например, на «Мосфильме» в легендарной картине Михаила Калатозова «Летят журавли». Получив приглашение на роль Бориса в экранизации пьесы Виктора Розова «Вечно живые», Баталов сначала сомневался: «Имею ли я право принять на себя это предложение? Ведь Борис – парень цельный, глубокий, чистосердечный не только в его первой большой любви к Веронике. Он беспредельно любит свою Родину и отдает за нее жизнь. Справлюсь ли я с такой исключительно ответственной ролью, с «техническими трудностями»? Сумею ли во всех нюансах передать интимные чувства героя, его мысли о жизни, порой неосознанные и противоречивые?»

И справился, и сумел – теперь-то мы точно знаем. Играл настолько самоотверженно, что даже получил небольшую травму на съемках: во время одного из эпизодов случайно наткнулся на сук дерева и сильно поранил лицо. Травма оказалась настолько серьезной, что пришлось лежать в больнице. Но в жизни случайностей не бывает: пока находился на лечении, получил от Иосифа Хейфица сценарий фильма «Дорогой мой человек» и приглашение сыграть в этой картине хирурга. «А шивал меня точно такой человек, которого мне предстояло сыграть в кино, – с его биографией, провинциальной больницей. Все оказалось важным, необходимым», – рассказывал актер.

АРИСТОКРАТ

Феллини, по его собственным словам, смотрел фильм несколько раз.

И все же ни Гуров, ни Румянцев, ни Гусев, ни другие персонажи, блестяще сыгранные Баталовым, не имели такого успеха и зрительского (особенно женского) поклонения, как Гоша из «оскароносной» мелодрамы Владимира Меньшова «Москва слезам не верит».

«ОН ЖЕ ГОГА, ОН ЖЕ ЖОРА...»

На роль сорокалетнего интеллигентного слесаря Георгия Ивановича Владимир Меньшов пробовал разных актеров. Виталия Соломина, например. Но его никто не устраивал, и отчаявшийся Меньшов уже решил сниматься сам. Но тут опять же вмешалась та самая неслучайность. Увидел режиссер по телевизору фильм «Дорогой мой человек» с Алексеем Баталовым в главной роли и решил, что вот он – Гоша. Бегло просмотрев полученный сценарий, Алексей Владимирович вежливо отказался. Но потом неожиданно согласился. «Вот Гоша – все вроде с ним понятно: надо, чтобы у героини все кончилось хорошо, – вспоминал актер. – Но как только я прочитал, понял, что это не канонический, установленный государством рабочий, который уже сотни раз был на экране, – это другой совсем человек. Выйдет не выйдет – это второй вопрос, но это интересно делать».

Актеру было интересно делать, ну а нам, зрителям, потом, соответственно, интересно смотреть, ибо образ у Баталова получился яркий, живой и обаятельный. Женщины всей страны обмирали, втайне завидуя Кате Тихомировой, героине фильма, и мечтая,

чтобы на их пути появился такой вот идеальный Гоша. Тогда он казался идеальным, а вот сейчас частенько можно услышать другие мнения: мол, что хорошего в этом герое, чуть что не по его, пустился в запой, бросил женщину, заставил мучиться и страдать. Наверное, в этом есть толика горькой правды, и тем не менее любая женщина за сорок все равно всем сердцем и душой поймет и прочувствует Катину знаменитую фразу:

«Как долго я тебя искала!» Да, вот такого вот сильного и в то же время обидчивого, как ребенок, а главное – своего мужчину. Кстати, этой фразы в сценарии не было, она родилась в процессе съемок на площадке. Так же, как и ставшее потом крылатым выражение «дружить домами».

А вот некоторые сцены из уже готового фильма пришлось потом вырезать по требованию худсовета. «Была смешная и симпа-

тичная сцена: Коля приходит уговаривать Гошу, то есть меня, вернуться в дом Катерины, – вспоминал Алексей Баталов. – Но в рамках очередной борьбы с пьянством некоторые удачные реплики вырезали. Удалили еще кое-что. Помните эпизод, где мы с Катериной убираем диван? Так вот, если бы не цензура, я бы дефилировал в кадре с голым задом».

Впрочем, сейчас это уже не так важно, фильм хорош и без этих эпизодов и уже давно по праву входит в золотой фонд отечественного кинематографа.

НЕМНОГО О ЛИЧНОМ

В 1963 году Алексей Баталов вступил в свой второй и последний брак. Избранницей актера стала цирковая актриса Гитана Леонченко. Они познакомились еще в 1955-м, актер влюбился сразу, страстно, да и взаимность была. Но преградой к соединению влюбленных послужила отнюдь не первая жена Баталова, а банальная актерская занятость. Прекрасная Гитана, наездница в цирке, и актер Алексей Баталов просто были очень преданы своим профессиям, а актерская судьба порой настолько сурова, что совсем не оставляет времени на личную жизнь. В конце концов они поженились и прожили вместе 54 года. Мужественно переживали несчастье – дочь Маша с рождения страдает тяжелым недугом, который навсегда лишил ее шанса на нормальную жизнь. Тем не менее она окончила сценарный факультет ВГИКа, пишет сценарии и книги. Но жуткая душевная боль за родное существо, покалеченного по ошибке врачей ребенка не отпускала Баталова до конца жизни.

...Когда-то актер Лев Дуров назвал Алексея Баталова «последним аристократом, сумевшим сохранить в себе душевную гармонию». И возможно, в этой фразе наиболее четко и ясно обрисован образ актера, режиссера и педагога Алексея Владимировича Баталова. Он был таким и таким останется в нашей памяти.

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

ПЕРЕДПЛАЧУЙТЕ НА 2021 РІК в будь-якому відділенні Укрпошти

Ф. СП-1

Міністерство транспорту та зв'язку України

АБОНЕМЕНТ на журнал _____ (індекс видання) _____

(найменування видання) _____ Кількість компл. _____

на 2021 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куди _____ (поштовий індекс) _____ (адреса) _____

Кому: _____ (прізвище, ініціали) _____

Доставна картка-доручення

на журнал _____ (індекс видання) _____

(найменування видання) _____

Вартість передплата _____ Кількість компл. _____

на 2021 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

поштовий індекс _____ місто _____ село _____ область _____ район _____ вулиця _____ буд. _____ корп. _____ кв. _____

прізвище, ініціали _____

БЮДЖЕТ 2021

МЕЖНАРОДНИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК/УКРАЇНА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПОЛИТИКА

ИНТЕРНЕТ ПОД ЦЕНЗУРОЙ

ПОЛИТИКА

Перемени... Ми не ждемо перемени

НЕВЕРТАНА ВОЛНА

ПОЛИТИКА

НОВЫЙ КРЫМ

СОЕДИНЕНІ ШТАТИ ПОЛЬ

ПОЛИТИКА

КУРС на 30

БЕСТАРАТА

ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРІЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ, МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ. АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУДЖЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАЇНА»

ІНДЕКС 35257

1 міс. – 15,44 грн.
3 міс. – 46,32 грн.
6 міс. – 92,64 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАЇНА ЛЬГОТНИЙ»
(Для передплатників попереднього періоду та пенсіонерів)

ІНДЕКС 37104

1 міс. – 14,44 грн.
3 міс. – 43,32 грн.
6 міс. – 86,64 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАЇНА. СПЕЦВЫПУСК»

ІНДЕКС 49056

1 міс. – 13,36 грн.
3 міс. – 40,08 грн.
6 міс. – 80,16 грн.

КОМПЛЕКТ: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАЇНА» + «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАЇНА. СПЕЦВЫПУСК»

ІНДЕКС 49542

1 міс. – 25,79 грн.
3 міс. – 77,37 грн.
6 міс. – 154,74 грн.

Передплатити можна також на сайті **market.umh.ua**, за телефонами: **(044) 207-97-25, 207-97-22, 063 648 07 72, 068 204 45 02** або написати нам на **market@umh.ua**

ЧЕМ ЖЕ Я ПЛОХА?..

Елена СВЕТЛОВА

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Интервью 1999

Так получилось, что я позвонила ей первого апреля. Она засмеялась: «Это не первоапрельская шутка? Тогда с удовольствием!» Если бы я только знала, что в течение почти двух недель каждый день, ровно в десять утра, уже по памяти буду набирать телефонный номер, чтобы услышать: «Позвоните мне после трех».

А после трех такой знакомый, с легкой колокольной хрипотцой голос пообещает: «Завтра обязательно встретимся, позвоните в десять». И не поверила, когда раздалось долгожданное: «Приезжайте!»

...Белые волосы рассыпаны по плечам, модная куртка, кожаные брюки, маленький рюкзачок за спиной. Густо-розовая помада эффектно очерчивает гордую линию губ. Сногсшибательный маникюр, как последний штрих. Народная артистка России Ирина Мирошниченко выпархивает из подъезда, заводит свой синий «мерседес» и устраивает на переднем сиденье корзинку для неразлучной таксы Ники. Мне ничего не остается, кроме как расположиться сзади. Собачка прыгает мне на колени. Актриса эффектным движением откидывает волосы с лица и говорит: «Включайте свою машинку».

– Позволяете себе краситься за рулем?

– Обычно на светофоре. Раньше мне приходилось поворачивать зеркало заднего обзора, это было неудобно. А теперь я заказала вот это. – Показывает зеркальце с подсветкой, установленное на уровне лица. – Впрочем, краситься можно и на ощупь.

...Краситься на ощупь, наверное, можно, но вести интервью, не видя ни глаз собеседника, ни его реакций, довольно затруднительно. Надеюсь, что голос актрисы пробьется сквозь шум московских улиц, и утешаю себя тем, что мы, как планировалось, побеседуем на Поклонной горе, но по дороге намерения Ирины Мирошниченко меняются, и она решает заехать в магазин «Свет», чтобы подобрать синие бра в тон люстре.

– Ирина Петровна, одна из ваших первых ролей – Мария Магдалина в картине Андрея Тарковского «Андрей Рублев». Для многих актрис заплакать в кадре – проблема, но ваши слезы были такими настоящими.

– Я думаю, что умение плакать – не самое большое достояние актрисы. Есть актрисы плачущие, жалеющие на экране себя, у них это легко происходит. Мария Магдалина была одной из моих первых ролей в кинематографе, мне очень хотелось все сделать замечательно. Тогда я ничего не знала ни про Марию Магдалину, ни про то время, ни про религию вообще, потому что все мы были нехристи. Для меня это был другой мир. Но в то же время съемочная группа жила с ощущением подлинности всего происходящего. Это была игра, в которую мы верили. Может быть, именно это и отличает актерскую профессию. Актёры – дети, хотя среди них есть всякие люди: и злобные, и хитрые.

Мне было тогда не трудно. Но, не зная еще механизма и метода съемок, я так старалась, что с первых же минут, не успев надеть костюм, вгоняла себя в такое эмоциональное состояние, что начинала рыдать еще до команды «Мотор!». Поэтому у меня всегда было красное, вспущшее лицо. Я настолько поверила в предлагаемые обстоятельства, так остро, сердцем, восприняла происходящее – и мучения Христа, и Его распятие, и свою жалость, – что плакала все три дня, пока шли съемки.

А через годы я оказалась в доподлинном

месте, не на нашей горе меж городами Владимир и Суздаль, среди снега, где Андрей Тарковский себе все это нафантазировал, а на Голгофе, и прошла весь этот путь. Вот так все в жизни закольцовывается.

– Говорят, что, желая именно вас занять в спектакле «Татуированная роза», режиссер Роман Виктюк противопоставил себя всему худсовету и на год лишился зарплаты.

– Это неверная информация. Этот спектакль и задумывала, и организовывала, и пробивала я. И приглашала на постановку молодого интересного режиссера Виктюка тоже я. Так случилось, что мы очень долго, вне плана, репетировали этот спектакль. И когда все было на мази, со мной случилась беда, я попала в автомобильную катастрофу. А спектакль надо было уже выпускать, и всякие артистки обращались к Виктюку, говоря, что Мирошниченко болеет и это надолго. Роман Григорьевич Виктюк повел себя суперпорядочно, как, впрочем, должен вести себя нормальный человек, и претендентам отвечал только одно: «На эту тему даже неприлично разговаривать. Ирина выйдет из больницы, и мы продолжим работу». Так и случилось.

– Трудно было вернуться на сцену после той автомобильной катастрофы?

– Я очень не хотела бы спекулировать своим прошлым и позволять себе ноты нравоучительства. Каждый человек проходит свой путь сам и расплачивается за свои ошибки и грехи. И никакие чужие примеры не смогут никому помочь обрести новую жизнь. Да, очень хотелось бы, чтобы кто-нибудь поддержал, когда трудно. Самое страшное, когда в одиночестве борешься за свою здоровую жизнь и не можешь ни на

кого опереться. Намного легче, если есть близкие, на которых можно рассчитывать. Но все равно силу духа человек может почерпнуть только в себе самом.

– Ощущали ли вы последствия травмы?

– Ощущала и ощущаю. Меня всегда вот что мучило. Человек рождается совершенным, все дети изумительные. Конечно, есть много несчастных, но не будем сейчас об этом говорить. Потом начинаются болезни, травмы, и человек уже не может вернуться в свой первоначальный гармоничный облик.

– Были случаи, когда вас не утверждали на роль?

– Очень много раз. Я очень переживала, когда это случилось впервые, не могла с этим смириться: чем же я плоха? Но потом стала проще к этому относиться. Обычно мы шли одной командой: Рита Терехова, Ирочка Купченко, Людя Максакова, иногда Алла Демидова. Кому-то я уступала, у кого-то забирала шанс. Да, было обидно, когда на роль в картине Марлена Хуциева «Июльский дождь» взяли не меня, а другую актрису, но сейчас я вспоминаю эти случаи с легкостью, а тогда очень нервничала, когда, работая в кадре, узнавала, что в гримерке уже сидит другая актриса. А потом настал период, когда меня утверждали без проб. Я пробовала только грим.

– У вас, наверное, много поклонников?

– Всю жизнь меня баловали поклонницы. Это целый клан женщин, которые ходили на каждый спектакль, начиная еще с чеховской «Чайки» во МХАТе. Сначала были маленькие букетики, потом большие. А мужчины-поклонники – это специфические люди, которые ходят в театр, очень любят искус-

ство. Я их интересую как актриса. Конечно, всегда было много восторженных писем, даже из зоны – с предложением руки и сердца. Потом мне писал письма один сумасшедший человек, почерк которого нельзя было разобрать, но смысл сводился к тому, что «сейчас приеду и ты будешь моя». Я очень боялась, что, не дай Господи, это случится. Но он не приехал. А Ирине Алферовой писал письма один больной человек из Сибири, ее муж, как говорят, вдруг увидел его у двери квартиры с топором.

– Вы чего-нибудь боитесь в жизни?

– Я очень боюсь слабости, болезней. Конечно, смерти. Боюсь злости и ненависти. Боюсь толпы, агрессивных людей. Я очень мирный человек. Ирина по-гречески означает мир, и моя фамилия тоже начинается с этого слова.

– Вы согласны с тем, что за все в жизни нужно платить, в том числе и за успех?

– Мы платим за ошибки, за плохие поступки. Но я не думаю, что Бог может наказывать за то, что человек успешно делает что-то замечательное. Все-таки если успех заслуженный, а не искусственно созданный, Господь это должен поощрять. За что же наказывать, если человек движется вперед, самосовершенствуется?

– Есть такая расхожая фраза: «Искусство требует жертв». От частого употребления к месту и не к месту она стерлась, утратила смысл. Но когда разговариваешь с творческими людьми, понимаешь, что на алтарь профессии отдается многое. Вы согласны?

– Пожалуй, многое приносится в жертву профессии. Другое дело, что, может быть, не надо было отказываться от некоторых вещей. Из-за театра я не снялась в большом количестве фильмов. И сейчас, когда едешь на концерты, постоянно думаешь, как бы не простудиться, как бы не подвернуть ногу. Надо всегда хорошо выглядеть, быть в порядке. И временами хочется забыть об этом – нельзя.

– Многие актеры говорят, что сцена – наркотик, снимающий любую боль. Так ли это?

– Это, скорее, вопрос к врачам или психологам, которые могут объяснить поведение человека в момент сильного стресса. Действительно, есть нечто, что тебя обезболивает, лечит в момент мобилизации организма. Был случай, когда на съемках одного фильма в павильон вошел лев, и человек сумел выпрыгнуть в узенькое оконце, через которое и ребенок бы не протиснулся.

У меня было много экстремальных ситуаций на сцене. Во время спектакля «Татуированная роза» одна актриса, разбежавшись, так меня толкнула, что сломала мне ребро. Рука повисла, как плеть, но я доиграла до конца. Другой раз я упала на шкаф и вместе с ним полетела вниз. Это была жуть. Партнеры мои просто замерли. Я поднялась и стала доигрывать. И еще обозлилась, что никто не поднимает этот злополучный шкаф. «Ну, есть тут мужчины?» – уже не выдержала я. Публика приняла мой крик за реплику. Потом уже, дома, я места себе не находила от боли и весь следующий день пролежала пластом.

– Мне кажется, вы по натуре типичная перфекционистка, человек, которому надо все сделать наилучшим образом.

– Мне всегда хочется, чтобы все было по максимуму. К примеру, вот мучаюсь с ремонтом, стараюсь, чтобы все получилось красиво. И так во всем, касается ли это театра, концерта или телевизионной передачи. Записываю ли песню, мне говорят, что все хорошо, а я прошу: «Ну дайте еще один дубль!» А иногда бывает, что песня уже записана, а я прихожу на следующий день совсем в другом настроении и говорю: «Стоп! Давайте попробуем заново!» Получается совершенно другое: состояние, настроение, подача, и именно этот вариант оказывается лучшим. Но у меня всегда супермного страданий из-за неудач, и, как

правило, мучаю близких, грызу себя без конца.

– Случалось, что вы забывали на сцене текст?

– Много раз. Когда-то я выходила из этой ситуации с помощью суфлера или коллег, которые вовремя подсказывали слова, а потом научилась обходиться своими возможностями. Особенно в последнее время, когдаходишь в роль экстренно, без долгих репетиций. Раз сыграешь, что-то из головы вываливается. В крайнем случае можешь сказать какое-то другое слово. Вот Чехова практически забыть невозможно, у него очень мелодичные роли.

– Как вас встретили знаменитые старики МХАТа, когда вы юной актрисой пришли в театр?

– Они меня очень любили и видели во мне будущее театра. Мне это много раз говорили Ливанов, Грибов, Яншин, Зуева. И этот театр я всегда воспринимала как дом, где все навсегда. Искусство МХАТа, которому они учили, я должна была проповедовать и нести дальше. Может быть, кому-то мои слова покажутся слишком серьезными, но это было именно так. Мне казалось, что я хочу чего-то нового. Приезжал Стрелер, и мне очень нравилась современная манера игры, я взахлеб смотрела пьесы Пиранделло, и хотелось все это попробовать. Но в то же время я понимала, что старая школа МХАТа в сути своей не должна меняться.

– У вас был замечательный курс в Школе-студии МХАТ. Не всегда такое блестящее созвездие выпадает на один выпуск – Андрей Мягков, Вера Алентова, Владимир Меньшов. И парочки тоже складывались.

– Андрей Мягков прекрасно танцевал, на первом курсе мы с ним танцевали испанские танцы на экзамене. Он был моим партнером до той минуты, пока не женился на Асе Вознесенской, и с тех пор танцевал только с ней одной. И на всех экзаменах тоже.

– Ваши партнеры в театре стали легендарными. Иннокентий Смоктуновский, Юрий Богатырев, Евгений Евстигнеев. Какими они были в жизни?

– То, что Юрий Богатырев был замечательный артист, все знают, но он был и поразительный партнер, искренний, доброжелательный. И очень сильный. Мы поехали на гастроли в Польшу со спектаклем «Чайка». Шла репетиция, в зале было темно. На сцену выкатили деревянную фуру с очень низкой посадкой, она почти касалась пола. Актеры должны были встать на эту

фуру. В движение она приводилась механически. Стоят себе Слава Невинный достаточно объемного размера, Юра Богатырев, Давыдов Владлен, Нина Гуляева – несколько человек. Я еще была на полу, как вдруг фура тронулась, но не в сторону сцены, а на меня и накрыла мне ногу. Все на миг растерялись, потом начали кричать, чтобы рабочие остановили. У меня было ощущение, что нога понемногу уходит внутрь и сейчас треснет. Вытащить невозможно, боль дикая. Наконец фура встала, но нога по-прежнему была зажата. Подбежал Слава Невинный, чтобы мне помочь, но своим весом еще больше прижал мою ногу. Я уже кричала в голос. И тогда Юра Богатырев вдруг одной рукой, буквально одним движением, приподнял эту фуру вместе со всеми артистами и освободил меня из тисков. Никто не подозревал, что у него такая огромная физическая сила. Он оказался Богатырем.

– Известно, что Евгений Евстигнеев был очень большим человеком. Как он играл?

– Это был артист с головы до ног. Как-то у нас была чисто техническая репетиция, где все играли в полноги. Бубнили что-то про себя, переходили с места на место. И вдруг я краем глаза заметила, что в зал заглянула какая-то американская делегация. В это время Евстигнеев стоял за шторой. Подошла его реплика, он высунулся, и в зале начался такой хохот! Вот что такое артист. Он учуял, что в зале есть публика, и мгновенно начал играть свою роль как надо, и, конечно же, смешно и изумительно. Мы знали, что у него был не один инфаркт, за кулисами он, как только минутка свободная, лежал на стульях, на скамье, на чем угодно. Так я его и вижу: в полудреме, лоб накрыт рукой. Но на сцене это был сгусток энергии.

– Вы много играли со Смоктуновским. А как вы называли Иннокентия Михайловича?

– Всегда, до последней минуты, он был Кеша. Напоследок мы репетировали «Маскарад», который мы так с ним оба и не сыграли. Смешно, как-то он принес на репетицию домашние тапочки и стал пробовать роль в них. Даже никто не спросил: зачем? Наверное, ему это было нужно для ощущения роли. А уже потом его вдова рассказывала, что у него целый ящик письменного стола был заполнен документами и какими-то специальными материалами именно к этой роли. Он всегда очень глубоко и самоотверженно относился к сцене. Но он настолько лучезарен был, скромен и приветлив, что все относились к нему с нежностью и уважением. И, может быть, поэтому – Кеша!!! Как что-то доверительное, детское.

– Одна из ваших последних работ в кино – роль в картине «Зимняя вишня-2». Близка ли вам эта героиня?

– Ближе, дальше – все персонажи придуманы. Я профессиональная актриса, и мне надо сыграть свою роль. У меня больше пятидесяти ролей. Что получится, если я всех буду с собой сравнивать? Я никогда в жизни не играла себя. Может быть, привношу свое ощущение, какие-то импульсы, которые могут меня увлечь. Мне надо в этой роли почувствовать сегодняшний день. Материал может быть слабым, но я понимаю, что с этим режиссером можно договориться, да и роль можно перестроить, приблизить к себе – не по судьбе,

а по ощущениям, по интеллекту.

– Вы начали петь семь лет назад. Наверное, было просто выйти на сцену в новом амплуа?

– Естественно, я очень волновалась. Было интересно и очень страшно, тем более что мой дебют как певицы состоялся на сцене концертного зала «Россия». Снимало телевидение, и я понимала, что дублей не будет.

– В одной из газет я читала не очень лестную критику в ваш адрес по поводу концерта на Дальнем Востоке.

– Ну что ж, всякое бывает. Через неприятие надо пройти. Это была одна из первых поездок. Я всегда к себе строго отношусь. Но в отличие от девчонок-певицы, которая впервые выходит на сцену, с меня спрос другой. Я все-таки народная артистка России. Мне очень трудно соперничать со своими прошлыми ролями. Каждый зритель, помня меня по спектаклям и фильмам, может спросить: «А зачем она это делает?» Я кинулась в этот океан, в эту волну творческого восторга, потому что мне очень нравится и это направление, и преодоление каких-то внутренних сложностей. Я объездила с концертами очень много городов и работала на разных площадках: от прекрасных до суперужасных, где аппаратуры – ноль и вообще полная дрань.

– А кого вы считаете своей семьей?

– Тех, кто является моей семьей.

– Есть ли человек, чьего звонка в дверь вы ждете?

– Я всегда хочу, чтобы в мою дверь звонил тот человек, который должен мне позволить.

– Вы скрываете свой возраст?

– Все примерно знают мой возраст, по крайней мере, это легко вычислить. Но если вы напрямую зададите мне этот вопрос, я не стану отвечать.

– Много ли значат для вас атрибуты роскоши, типа платков от Гермеса, часов от Картье или обуви от Гуччи?

– Я люблю все, что красиво, что мне подходит и радует глаз. Могу купить приглянувшуюся вещь фирмы, которая лично мне не известна. Когда я была в Лос-Анджелесе и заглянула в один из магазинов самого дорогого района Беверли-Хиллз, меня удивило, как там многолюдно. Оказалось, выставлена новая коллекция фирмы «Эскада», а «старая», это понятие там весьма относительное, распродается. Я тогда не знала, что это известная старинная фирма, но мне очень понравился костюм, в котором было все, что мне нужно: и красота, и благородство, и степень звездности. И хотя у меня были совершенно другие планы, я его купила, а потом очень много и снималась, и выступала в этом костюме.

– Многие звезды постоянно меняют туалеты, считая ниже своего достоинства появиться дважды в одном и том же.

– А я очень люблю свои вещи, я к ним привыкаю. Например, я очень долго пела во фраке от Юдашкина, надевая к нему разные аксессуары. Когда я была студенткой, на меня сильнейшее впечатление произвела Марлен Дитрих. Она вышла на сцену в фантастическом, телесного цвета платье, обтягивающем ее фигуру, как перчатка. На почти незримых ниточках поблескивали кам-

ни. Все это великолепие переливалось и мерцало, как дорогая старинная люстра. А сзади хрупкую фигуру актрисы в облаке белокурых волос обнимали белоснежные меха, которые тянулись по светлому полу. Это было потрясающе.

– Вы легко тратите деньги?

– Как только у меня появляются деньги, я должна их истратить. И всегда есть на что. Иду в магазин за чем-то одним, а покупаю другое, потому что в этот момент мне кажется, что именно эта вещь мне крайне необходима. Потом оказывается, что это было совершенно не нужно.

– Вы делаете хозяйственные запасы?

– У меня всегда все есть. Когда есть деньги, холодильник всегда наполнен.

– Так что если нагрянут гости, врасплох они вас не застанут?

– Неожданных гостей у меня не бывает. Без звонка ко мне никто не может прийти.

...Дальше ухоженного подъезда в зеркалах и кадках с деревьями (тоже заслуга Ирины Мирошниченко, она – многолетний председатель кооператива) мне побывать не пришлось. Правда, в холле все приспособлено для долгого ожидания: стол, стулья и мягкий диван, достоинства которого у меня было время оценить. Думаю, что мало кому из коллег-журналистов удалось заглянуть в уютную квартирку Ирины Петровны. Исключение – Андрей Караулов, но он бывает в доме на Тверской-Ямской не по служебным делам, а, можно сказать, по родственным. Его жена Наташа – дочка известного драматурга Михаила Шатрова, бывшего мужа Ирины Мирошниченко.

– Ирина Петровна, вы сейчас в прекрасной форме, но когда-нибудь настанет день, когда захочется продлить молодость, как это делают звезды Голливуда.

– На то, чтобы держать себя в форме, уходит достаточно много времени и средств, но я об этом не задумываюсь. Может быть, через какое-то время я и займусь всем этим. А сейчас... Надо закончить ремонт, подготовить видеокассету, записать новые песни, устроить представление нового альбома, готовиться к новому сольному концерту, искать финансирование для нового спектакля и кинофильма и многое-многое другое – ваше перо не выдержит записывать. Все то, что может сделать российская женщина. ■

Я САМА – ЮЛЕЧКА

Елена СВЕТЛОВА

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Интервью 1999 года

Каждую среду она появляется на телеэкране, настолько доброжелательная и все понимающая, что зрители зовут ее Юлечкой. Ну, никто не называет Киселева Женечкой, Миткову – Танюшей, Шарапову – Аринушкой, а Доренко – Сереженькой. Имидж не тот.

А Меньшова с ее глазами в поллица, по-детски круглыми щеками и непосредственными реакциями – сплошное умиление. Нам кажется, мы знаем про нее все, включая родословную. Какая же она на самом деле?

– С каких лет вы себя помните?

– С очень раннего возраста. Мы с родителями жили в театральном общежитии, и я прекрасно помню и расположение комнат, и кто где жил, и как встречали Новый год. Когда мне исполнилось три года, мама получила крошечную двухкомнатную квартиру. К этому моменту мои родители расстались и сошлись снова, когда я пошла в школу. Они вместе провожали меня в первый класс, а второго сентября пришли забирать меня из школы и сказали, что папа теперь будет жить вместе с нами. Я, конечно, ужасно обрадовалась, хотя никогда, ни одной секунды не чувствовала их развода. У меня не было ощущения, что папа мной не интересуется. Он был исправным отцом. Мы часто виделись, он брал меня и на отдых, и на съемки.

– Ваша мама в интервью рассказывала, что воспитывала вас в строгости. Был даже случай, когда вы, обидевшись, решили уйти из дома, и мама не только не препятствовала, но и помогала собрать вещи. Вам

не было и шести.

– Я солидарна с этим способом воспитания. Теперь, глядя на своего сына, я понимаю, что каждый ребенок проверяет родителей на «вшивость», и границы надо ставить очень жестко, иначе ребенок станет неуправляемым. Случай с уходом из дома я помню. Я поссорилась с бабушкой, которая мне что-то не разрешила, и решила добиться своего путем шантажа. Это было актерское решение, инсценировка, потому что с момента ссоры прошло много времени, но перед приходом мамы я села на приступочку у двери и наполовину натянула рейтузы, что означало: я практически ушла. Я восхищаюсь

мамой, она поняла, что это абсолютный шантаж, и повела себя адекватно. Такая реакция поставила меня в тупик. Больше я не грозила уходом из дома.

– Вашего сына вы воспитываете в тех же традициях?

– Я уверена, что хорошее воспитание нужно для ребенка. Андрюша еще очень

мал. Он очень долго болел, не спал в течение года. Мы не могли отличить каприз от недомогания, и он начал этим пользоваться. Нам пришлось меняться, это было нелегко, потому что мы подзапустили ситуацию. Тяжелее всего приходилось мужу, потому что он очень мягкий человек, ему трудно сказать «нет». Меня воспитывали в уважении к взрослым, в понимании громадной дистанции между старшими и младшими. Мне хочется, чтобы Андрюша рос таким ребенком. Был период, когда он залезал на стул, на котором сидела я, и пытался меня оттуда сдвинуть. Вроде бы игра. Но постепенно игра переросла в наглость. Я сажусь – он стонет, пересаживаюсь – то же самое. Это продолжалось до тех пор, пока я не сказала строго: «Ты должен уважать взрослых. Если мать сидит, ищи себе свободное место или постой».

– Изменилось ли что-либо в вашей жизни после выхода картины «Москва слезам не верит»?

– Мне было девять лет, когда вышел этот фильм. Если бы я была младше, наверное, все воспринималось бы иначе, я бы купалась в лучах родительской славы. А так я смущалась, когда меня представляли кому-то как дочь той самой Веры Алентовой. Всякий раз, когда про меня говорили, что я дочка, хотелось куда-то убежать. Не было большего унижения, чем быть просто дочкой. Я избегала всяких расспросов о маме.

Пожалуй, основная перемена была связана с тем, что мама стала очень много ездить. Папа был в это время невыездной – на него написали какую-то клевету и за границу не выпускали. Зато мама повидала весь мир. Конечно, она привозила мне какие-то красивые вещи, джинсы – то, что считала нужным. Но никогда не спрашивала меня, что привезти. И мне не приходило в голову составлять какие-то списки с поручениями.

Мама была настолько интеллигентна, что как бы не чувствовала времени, в котором мы живем. В школу все тогда ходили в форме, но мне не разрешали надевать заграничные вещи даже на дискотеки, чтобы я не выделялась. До десятого класса я ходила в простых чулках в резинку, хотя все мои одноклассницы давно носили капроновые и эластичные колготки. Мама считала, что раз колготки у меня слишком часто рвутся, значит, я не умею их носить. «Походишь в простых чулках, семья не может бесконечно тратиться», – говорила мама. Это было, конечно, из разряда перегибов. Но у меня не осталось никаких обид.

Когда я уже училась в десятом классе,

С мамой, актрисой Верой Алентовой

Юле шесть лет

мама пришла на школьную вечеринку и поняла, что я в своей одежде выгляжу ужасно отсталой. Она вдруг осознала, что перегибала палку.

В летние каникулы, когда одноклассники скучали на даче или нежились на морском песочке, Юлю отправляли к тете-учительнице под Астрахань, где местные школьники традиционно трудятся на колхозных полях. И московская девочка три лета подряд добросовестно пропалывала помидоры в сорокаградусную жару. Отец считал, что дочь должна знать, как зарабатываются деньги. Чтобы Юля увидела неприглядную сторону жизни, он советовал ей поработать на каникулах в одной из больниц. Тут, правда, воспротивилась мама.

– Так что проблемы «звездных» детей вас не коснулись?

– Известность моих родителей выпала как раз на мой переходный возраст – время, когда пытаешься отделиться. Когда прогремел фильм «Москва слезам не верит», папа и мама стали культовыми фигурами, однако мне очень часто повторялось дома, что этот успех – их победа, их заслуга, к которой я никакого отношения не имею. Ты способна, талантлива и умна, говорилось мне, но для того, чтобы было чем гордиться, ты должна что-то сделать сама. А почивать на родительских лаврах – верх неприличия и глупости. Родители очень тщательно меня оберегали, чтобы я не зазналась.

Одна из проблем, когда тебе вешают ярлык, на котором написано крупными буквами «сын» или «дочка», и эту планку надо преодолевать всю жизнь. Смотрю, например, на Кристину Орбакайте. Я с ней близко не знакома, но мне кажется, что она очень милый человечек. У нее есть и талант, и привлекательность, и мама – Алла Пугачева, с которой ее всегда будут сравнивать. А кому придет в голову сравнивать с Пугачевой Алену Свиридову или Алену Апиуну? Кристина вынуждена нести этот тяжелый крест, который может надломить человека. И я знаю людей, которым родительская слава сломала жизнь. Слава Богу, мне удалось вырваться в другую сферу деятельности и чего-то в ней достичь. Теперь меня нельзя сравнивать с мамой. Это – только мое дело, которое я выбрала сама.

– Красивая внешность, море обаяния, знаменитые родители. С такими исходными данными вопрос «кем быть?» просто не стоит. Конечно, актрисой.

– Я росла за кулисами. Этот мир был мне знаком и понятен. И, когда я оканчивала девятый класс, папа предложил мне пойти на прослушивание в разные театральные институты. Я проходила туры под фамилией Большова, в приемных комиссиях никто не знал, что я Меньшова и что мне всего пятнадцать лет. Правда, переступить порог МХАТа я не решалась, потому что само

здание внушало мне благоговейный ужас. А Олег Павлович Табаков устраивал прослушивание и в Школе-студии МХАТ, и у себя в «Табакерке». Мне, конечно, хотелось попробовать. Папа позвонил актрисе Дусе Германовой, которая снималась у него в фильме «Розыгрыш», и попросил узнать, когда будет прослушивание.

– Что вы подготовили на конкурс?

– Читала Маяковского «Скрипку и немножко нервно», Булата Окуджаву из «Путешествия дилетантов», а басни, которые я ненавижу, оставила на самый последний момент. Дуся меня прослушала и пришла в полный восторг. Она не сомневалась, что Табаков меня возьмет.

Зал был полон, но лиц было не разглядеть: ряды тонули во мраке. Освещена только сцена. Юля начала читать и поняла, что делает это из рук вон плохо. В это время верная Дуся Германова шептала на ухо Олегу Павловичу: «Попросите ее прочесть это стихотворение! Она его хорошо читает». Увы, и это стихотворение прозвучало кошмарно. После прослушивания Табаков беседовал с каждым абитуриентом в своем кабинете. «Я хочу вам посоветовать, – сказал он Юле, – готовиться одной». Видимо, он заподозрил, что ее неплохо натаскали: чувствовалась форма, а содержание было мертво. «Я готовилась одна», – возразила Юля. «Вам надо работать келейно!» – мэтр начинал злиться. Она стояла на своем. «В таком случае я вам советую никогда не заниматься этой профессией», – отрезал Табаков. Юля вышла в слезах: ведь не кто-нибудь, а сам Табаков усомнился в ее даровании.

– Но через год вы все-таки пришли в Школу-студию МХАТ.

– Да, я узнала, что Табаков делает добор на второй курс, и рискнула. На этот раз читала отчаянно хорошо, и Олег Павлович проявил ко мне недюжинный интерес, прослушал программу, которую я подготовила по его совету, и сказал: «Беру, но ты должна сдать вступительные экзамены». Я, конечно, напомнила ему прошлогоднюю историю. «Не может быть, – ответил он, – а впрочем, и на старуху бывает проруха». Я проходила все туры на общих основаниях, никто не сопоставлял меня с родителями, которые, кстати, в это время уехали отдыхать. Курс набирал Калягин, все педагоги очень за меня болели и хотели, чтобы я поступила. Неужели я могла сделать им ручкой? Тем более я поняла, что Табаков их не предупредил. И когда Олег Павлович, вернувшись из поездки, спросил, перехожу ли я на его курс, я ответила, что остаюсь у Калягина. Потом мне показалось, что этим заявлением могла обидеть Табакова, и перед первым сентября написала ему показанное письмо с объяснением всех мотивов. И он был очень тронут. А потом, на протяжении всех лет учебы, он был в восторге от моих работ и говорил: «Эх, Меньшова, Меньшова...»

– А как относились родители к вашим успехам? Хвалили или критиковали?

– Все студенты больше всего боялись,

С папой, режиссером Владимиром Меньшовым

когда на учебный спектакль приходила кафедра в полном составе, для меня же самое страшное было, если в зале сидели мои родители. Мне ставили «пять» по актерскому мастерству, все педагоги меня хвалили, а дома было все иначе. Заканчивался экзамен, мы молча выходили, в молчании садились в машину. Я могла робко спросить: «Что, вам совсем не понравилось?» – и тут начинался разбор полетов. Папа критиковал с режиссерской точки зрения, а мама – с актерской. Она говорила, что я актриса в третьем поколении и поэтому ко мне предъявляются другие требования. В конце третьего курса мы сдавали спектакль «Чайка», я играла Аркадину. Это было нелегко в девятнадцать лет, но какую-то планку я взяла. Мне поставили «пять», однако я ждала оценки родителей. В гробовом молчании мы вернулись домой, и папа сказал: «Я не понимаю, как тебя держат на этом курсе. На твоём месте я бы забрал документы. В стенах театрального училища оставаться просто невозможно после того, что мы с мамой увидели сегодня». Документы я не забрала, во мне жила надежда, что я переломлю ситуацию.

– Юля, у вас, наверное, всегда было много поклонников?

– Пока я училась в школе, я не разбила ни одного сердца. И лишь потом, после выпускного бала, стала понимать, что были ребята, которые на меня обращали внимание, но редко кто отваживался ко мне подойти, потому что я невольно создавала вокруг себя ореол неприступности. В этом не было ничего специального или нарочитого, тем более что внутренне я очень

открытый человек.

Смотрела на себя в зеркало и недоумевала, почему я никому не нравлюсь. Я не считала себя красавицей, но изъянов в своей внешности тоже не находила. А на дискотеках всегда стояла у стенок, меня никто не приглашал. Я делала вид, что мне это не очень нужно, однако на душе было тяжело. Наверное, этот неприступный вид – некую форму самозащиты я унаследовала от мамы, которая на самом деле очень романтический человек.

Когда мне было лет восемь, мама взяла меня на гастроли. А другая актриса из ее театра привезла сына – моего ровесника. Мы вместе играли и влюбились друг в друга. Мальчик даже написал мне записку с признанием в любви. С этой запиской я примчалась к маме на женский совет: что делать? Все было очень серьезно. И мама посоветовала мне, восьмилетней, написать мальчику, что словом «любовь» не шутят. Я так и поступила, чем сразила моего поклонника наповал. Совершив этот поступок, я сразу сделалась неприступной, оскорбившись тем, что мальчик уже через три дня дружбы признался мне в любви. Так ведь не бывает

Незадолго до окончания школы в меня влюбился одноклассник. Проявлял он свои чувства очень робко. Смотрел преданными глазами и носил за мной портфель. Иногда мы гуляли с ним по Москве, целомудренно держась за ручки.

С сыном Андреем

Я вообще поцеловалась впервые, уже уча в институте на первом курсе. Это в моем-то поколении...

– Юля, ваша актерская карьера складывалась удачно: роли в театре и в кино. И вдруг вы решаетесь резко изменить свою жизнь.

– Решившись однажды уйти из МХАТа, я на самом деле совершила невероятный поступок и, как барон Мюнхгаузен, вытащила себя за волосы из болота. Мне было двадцать пять лет. Для обывателя мой разрыв с прошлым кажется обычным явлением: была артисткой, стала телеведущей. Логика простая. Вот если бы я из актрисы превратилась, условно говоря, в физика-ядерщика, этот переход все оценили бы по достоинству.

Многие журналисты спрашивают меня в интервью, насколько мне помогает актерская профессия. Скажу честно: ничуть не помогает. Потому что это абсолютно разные профессии, схожие только своей публичностью.

Наше поколение не очень удачливое и счастливое, а причины, мне кажется, надо искать в нас самих. Мы долго жили в условиях советского строя, который постоянно ставил нас в положение зависимости. А театр напоминает банку с засахарившимся вареньем, это концентрат прошлой жизни по причине того, что актерская профессия ужасно зависима от всего вообще. Во МХАТе меня преследовало ощущение, что за пределами театра меняется все: вожди, политика, названия улиц. Здесь же все неизбежно, жизнь течет неторопливо, своим чередом.

Правление Олега Николаевича Ефремова сильно походило на сталинские времена. Думаю, сам он не осознавал этого. Для него это была очень удобно работающая система, в которой люди всегда под рукой, все происходило по мановению волшебной палочки, а интерес личности ни во что не ставился. МХАТ не зря называли кладбищем талантов. Это правда. Всегда отбирались лучшие студенты театральных вузов, словно сливки снимали, а потом эти актеры хоронили себя под реплику: «Кушать подано». Хотя я играла много, мои претензии к театру намного глубже.

Мой уход из МХАТа не был спонтанным. Решение принималось в течение двух лет. Я проверяла себя, не самолюбие ли мной руководит, не желание ли красиво хлопнуть дверью, чтобы все сказали «ах!», а я осталась бы у разбитого корыта. Я хотела понять, какой мотив мною движет: эмоциональный или рациональный. За два года убедилась, что это чисто рациональное решение. И теперь могу сказать, что совершила правильный шаг, о котором никогда

не пожалела. Никогда.

– Вы уже знали, что будете работать на телевидении?

– Уходила я в никуда. Я понимала, что заканчивается сезон, начинаются гастроли, и если не подам заявление, то автоматически перескочу на следующий сезон. Если меня займут в каком-нибудь спектакле, буду нести ответственность перед режиссером, коллективом. Мой уход воспримут неадекватно, как человеческий поступок. А это был мой выбор.

Я понимала, что надо сжигать мосты, потому что до той поры, пока у меня будут тылы и я буду знать, что всегда смогу вернуться в театр (о моем внутреннем решении никто не знал), у меня ничего не полу-

С мужем Игорем

чится. Я должна поставить себя в экстремальные условия, разорвать все и оказаться нигде, и только тогда мои силы и внутренняя потенция обострятся. Я обязана буду прошибать стены лбом, иначе окажусь в ситуации сидения на родительской шее, что для меня невозможно.

Я ходила на разные каналы, в том числе на ОРТ к Листьеву, который смотрел на меня умильно, как, впрочем, и другие руководители, но ничего не предлагал. Обижаться было смешно. Ведь я ничего собой не представляла. За моей спиной, кроме актерского прошлого, ничего не было. И все телевизионные начальники полагали, что я, наверное, была плохой артисткой, которую родители устроили в театр, но не вышло, а теперь рвусь в ведущие. Естественно, особого желания брать на работу такого человека ни у кого не возникало. Все ограничивалось вопросом: «Ну и что вы хотите?» «Все, что вы мне можете дать попробовать», – отвечала я. – Хотите, буду кассеты носить?» Мне обещали перезвонить и вежливо отсылали. Откровенно говоря, если бы сейчас ко мне пришла такая девушка, я поостереглась бы принимать ее на работу.

Но я шла, как Ломоносов в Москву, понимая, что для меня главное – прорваться на эту территорию, пусть кем угодно, хоть дворником, но перемахнуть через забор, называемый телевидением, а дальше я пробьюсь, докажу, что у меня есть силы.

Я очень люблю притчу про двух лягушек, которые провалились в крынку с молоком. Одна пошла сразу ко дну, а другая была лапками, взбила масло и выскочила из этой крынки. Она просто не хотела сдаваться.

Когда принимала решение расстаться с театром, мне было страшно. А что я могу? Потрачено так много времени на обучение актерской профессии, я работаю, у меня успешная карьера. Но что я могу предложить миру? Откуда у меня эти амбиции? Кроме этих страхов, у меня было реальное понимание того, что я ничего не умею.

И я, как та лягушка, была ножками, делала все, что можно. Покупала газету «Из рук в руки» и искала в ней объявления о приеме на курсы секретарей-референтов. Почему бы и нет? Я знала, что неплохо умею гримировать, и думала, что, если никуда не попаду, попрошу папу устроить меня в гримерный цех. Как знать? А вдруг это мое призвание? Но когда я сказала папе, что хочу работать в гримерном цехе, у него волосы встали дыбом: «Как ты можешь так говорить? Ты же была актрисой, а теперь будешь гримировать других

актрис?» «А если это мое?» – возражала я. Я готова была пойти хоть в дворники. Говорю это абсолютно серьезно, ни секунды не лукавя. Сегодня я ни о чем не жалею. Телевидение – это жизнь, особенно острым было ощущение после театра, в котором все казалось мне мертвым: и текст, и чья-то выдуманная судьба, которую надо сыграть.

– Невольно вспоминается фраза из картины «Москва слезам не верит»: «Будет одно сплошное телевидение».

– Нет, до такой степени экстремизма я не доходила.

– Жалесте ли вы об уходе Марии Арбатовой из вашей передачи?

– Нет, не жалею. Но Маша объявила о своем решении за одиннадцать дней до съемок нового цикла, и единственная сложность заключалась в том, что нам пришлось реализовывать новую идею в режиме цейтнота. А причины, побудившие ее сделать этот шаг, мне не хотелось бы комментировать.

– Идея обновления программы связана не только с уходом известной феминистки?

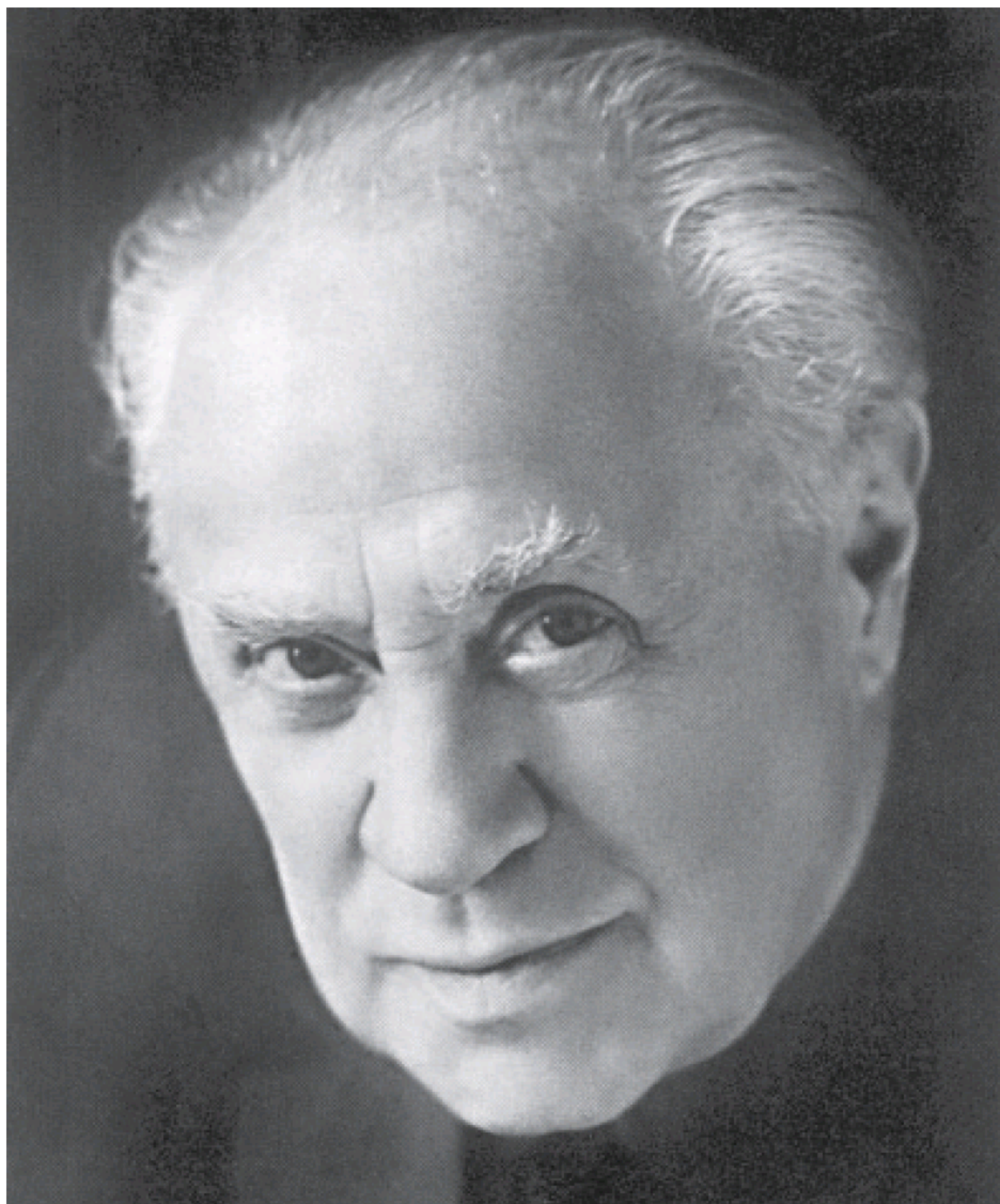
– «Я сама» выходила в привычном для зрителей виде почти пять лет, и перемены были нужны. Другое дело, что они не могли стать кардинальными – опасно менять программу, которую любят. Поэтому суть осталась прежней – это человеческие судьбы, интереснее которых ничего нет. Но появились новые эксперты – бывшие героини программы, побывавшие в похожей жизненной ситуации и имеющие моральное право на комментарий. Например, в передаче о женщине, чья дочка не хочет, чтобы мама вышла замуж, участвовала мать четверых детей, решившаяся на новое замужество. Постоянным телезрителям интересно увидеть старых знакомых, узнать о счастливых переменах в их жизни.

– Юля, а ваши родители смотрят программу «Я сама»?

– Стараются не пропускать. Они в восторге. Иногда могут сделать замечание по поводу грима или костюма. Родители очень опасались за меня, когда я ушла из театра. Это был шаг против их желания. Если мама еще своей женской мудростью понимала, что мне нужна поддержка, то папа считал меня безумной и был уверен, что у меня ничего не получится. По всем жизненным законам я должна была спустя год окантоваться в загоне и признать: «Вы были правы...» Но успех программы «Я сама» из серии под названием

Воры считали его «своим». Профессиональные бильярдисты были уверены, что Жаров закладывает шары никак не хуже Дымбы из фильма «Возвращение Максима». Многие не сомневались в том, что его самое привычное занятие – «закладывать за воротник». Его наделяли плутоватостью Меньшикова, разгульностью Гаврилы. И уж решительно все были убеждены, что Михаил Жаров такой же ловелас и бретер, как и его Смирнов из знаменитой картины «Медведь». Мало кого из актеров столь полно и категорично отождествляли с его ролями. И кому интересно, что Жарова никто никогда не видел пьяным, что был он равнодушен к бильярду, не терпел вранья и напора, старомодно ухаживал за избранницами. В общем, прожил не свойственную актеру его калибра жизнь.

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Дмитрий ЩЕГЛОВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

В 1930-м Жарова нашел режиссер Экк, который был знаком с ним еще по театру Мейерхольда. Роль, которую он предложил, показалась актеру обидной.

– Почему ты думаешь, что я должен играть Жигана, жулика и убийцу?

– Потому, что ты не похож на жулика, а тем паче на убийцу, – отвечал Экк.

Смысл этого кажущегося парадокса Жаров осознал вскоре после выхода фильма. Популярность «Путевки в жизнь» была огромной. На студию приходили мешки писем. Иногда популярность жаровского Жигана принимала довольно странные формы. Вдруг где-нибудь в трамвае актер замечал, что на него с подозрением поглядывает пожилая дама, на всякий случай сжимая обеими руками свою сумочку. Однажды в гастрономе он почувствовал, что к нему самому кто-то лезет в карман. Обернувшись, увидел худенького мальчишку. «Скорей бы уж делал свое дело да проваливал», – подумал актер, пожалев пацана. Тот наконец неумело вытащил кошелек и скрылся. А на выходе Жарова окликнул какой-то верзила: «Товарищ Жаров, вот ваша трешка. Эта сямка своих не узнает».

Он не терпел, когда о нем писали. Точнее, мечтал о достоверной книге и всякий раз, когда читал написанное, приходил в неистовство.

Однажды его доняла девица из многотиражки. Вызванивала Михаила Ивановича месяца два. В конце концов, подкараулила у подъезда на Котельнической, где он жил. Жаров тогда сломал ногу. Из машины его, стокилограммового, вынимали двое ассистен-

тов. Зрелище было: ведут огромного Жарова через вестибюль высотки, девица за ними вприпрыжку на каблучках, задает свои вопросы и в последний момент втискивается в лифт. Видимо, ее настойчивость произвела на Жарова впечатление. Он пустил ее в квартиру. Предупредил: «Только я лягу, а вы спрашивайте».

Когда вопросы наконец иссякли, он попросил: «А теперь прочитайте, что вы записали». Вопль Жарова прервал чтение. Девица от страха грохнулась в обморок. Буквально.

К нему подбирались всевозможные биографы. Мастера гладкописания, любители чеканных фраз. Он добродушно откликался. Но едва приступали к работе, как он начинал свирепеть, рвал страницы в клочья. «Михаил Иванович, тут же слово в слово так, как вы говорили!» «Это неправда, ничего такого я не говорил! Не мог говорить! Это – не я». – «У меня есть магнитофонная запись». – «Плевать на запись!» «Давайте послушаем», – предлагал корреспондент. «Ставь...» Слушая, Жаров мрачнел, наливаясь малиновой кровью. Вроде бы все было так, слово в слово. Но какая-то неуловимая грань отделяла написанное от его самого.

Жаров не слышал СОБСТВЕННОГО голоса. Не узнавал себя.

И однажды решил написать сам.

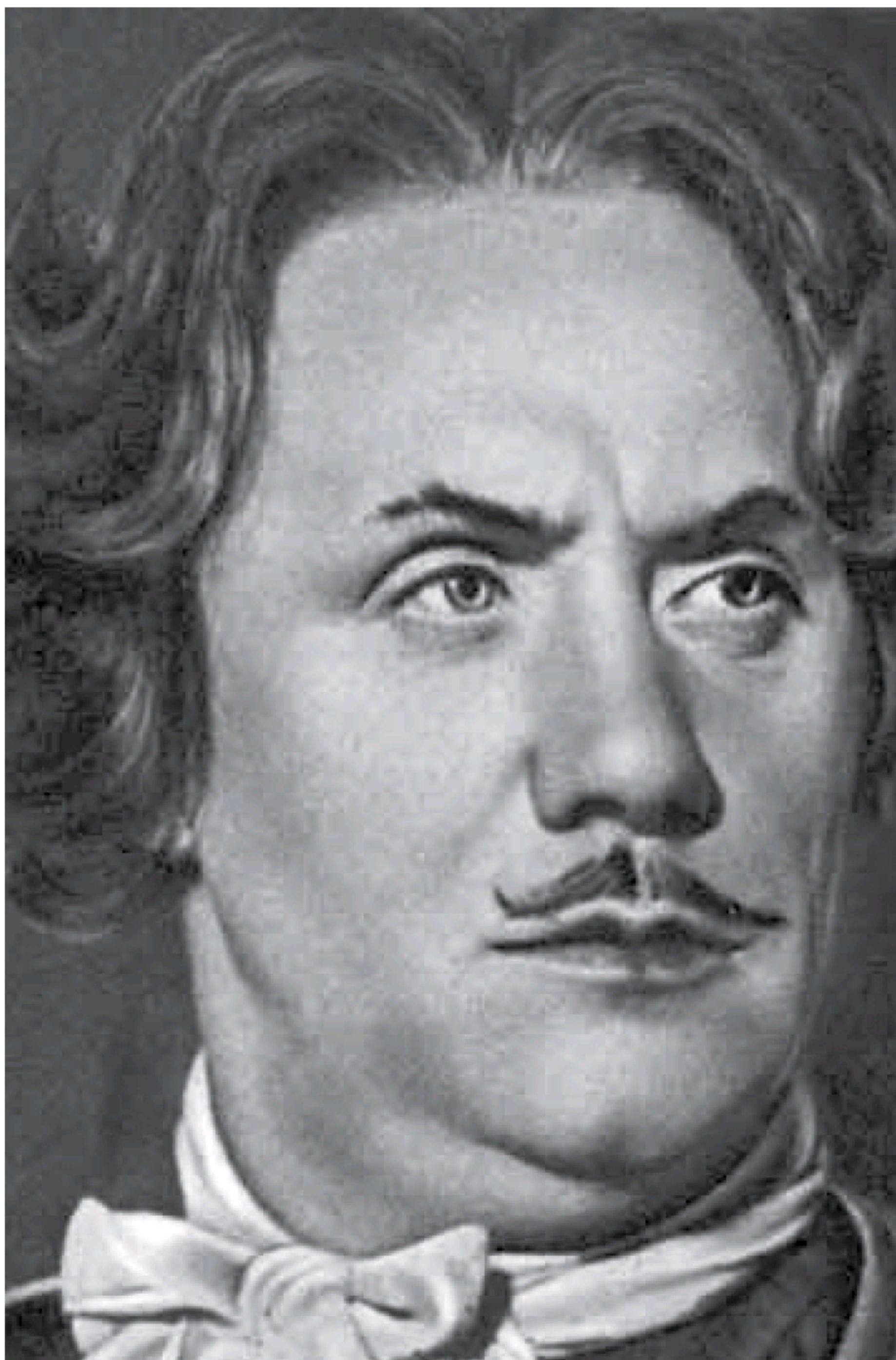
«Я жил в Б. Спасском до пятилетнего возраста, а затем переехал на Самотеку. Ясно помню, как однажды <...> гуляя по двору, я увидел в подворотне какого-то дядю, который показался мне весьма приветливым».

«Мальчик, – сказал он, – хочешь конфетку?» Я доверчиво ответил: «Хочу». Когда я приблизился, дядя сказал: «Видишь, там на веревочке висит рубашечка, дай мне ее, я тебе дам конфетку».

Я потопал к веревочке, стянул рубашку и стал тащить ее по земле, подметая грязный двор, пока соседка из окна не закричала: «Миша, Миша, ты что делаешь?» Тогда добродушный дядя, который просил передать ему рубашку, почему-то побежал и

Михаил Жаров в роли Малюты Скуратова в фильме Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный»

Михаил Жаров в роли Петра I

исчез». (М. Жаров. Жизнь. Театр. Кино. «Искусство». М., 1967.)

Ровесник ушедшего века, он написал в своей книге о первых впечатлениях.

Сад «Аквариум» на Тверской, где во время какого-то митинга чуть не арестовали его мать. «Никому не говори, что я революционерка!» Это была шутка.

Отец работал печатником в типографии Бахмана. Устроил сына наборщиком. Вместе ходили в ближайший трактир. Перед получкой брали «щи с малым мясом», а в первые дни после – «щи с мясом большим». Отец обожал малярничать – красил все подряд: стулья, столы, заборы.

Первый синемаграф на Самотеке. Жаровы жили по соседству, в Лиховом переулке. До переезда в Москву мать была совершенно безграмотной. Читать она выучилась по столичным вывескам. Когда ее вызывали в школу, она уже знала, что скажут учителя: «Миша опять строил всем рожи...» Классическое начало для лицедея. Он никогда не боялся быть смешным. Свойство, присущее только сильным.

Уже в 15 лет Жаров работал статистом в театре Зимина. Тогда-то впервые снялся в кино. Это был кинематографический вариант оперы Римского-Корсакова «Псковитянка» с Шаляпиным в роли Ивана Грозного. Узнать Жарова в одном из опричников царя почти невозможно. Это и был его дебют в кино. 1915 год. А спустя четверть века он сыграет Малюту Скуратова у Эйзенштейна.

Худой, длинный, с тонкой шеей – ничто в нем еще не напоминало того Жарова, в которого через полтора десятка лет, после «Путевки в жизнь», влюбится вся страна. Разве только улыбка. Знаменитая жаровская улыбка, превращавшая любого собеседника в доверчивого слушателя. Он обла-

дал свойством легко и незаметно становиться своим в любой компании. В любом режиссерском раскладе ему находилось место. Жаров покорял своим универсализмом, способностью вытянуть любой эпизод. У Мейерхольда он и играл в основном эпизоды. В частности, мадам Брандхлыстову в «Смерти Тарелкина». По ходу сцены эта дама активно кокетничает с полицейским. Жаровское кокетство было настолько откровенным, что даже сам Мастер заметил ему после одного из спектаклей: «Кокетничай с Охлопковым немножко поскромней!»

В то время у Мейерхольда собралось созвездие молодых талантов – Бабанова, Райх, Гарин, Охлопков, Ильинский. Позднее, уже работая в Малом театре, Жаров частенько схлестывался с Ильинским на спектаклях. «Пережимаешь, пережимаешь», – говорил Михаил Иванович. И тут же слышал в ответ: «Ты не дожал, вот мне и пережимать пришлось». Так они и ворчали друг на друга – два великих комика, по-разному понимавшие смешное. Но закулисных маневров старались избегать. Жарова от этого надежно охранял природный темперамент, взрывчатость.

Светлана ЖАРОВА, племянница актера: «Он, например, часто не был согласен с Царевым, с его линией в театре. Но когда Малый поднялся против Царева, чтобы снять его с должности директора, Жаров был единственным человеком, который выступил против коллектива. Почему? Просто потому, что считал Царева прекрасным организатором. И те претензии, которые к нему предъявляли, во-первых, не должны были выражаться в такой хамской форме, а во-вторых, не относились к его директорству. Для театра это была бы потеря».

Елизавета ЖАРОВА, дочь: «По поводу характера: у него ведь считовидка была. Мгновенная возбудимость. Спорить с ним

было абсолютно невозможно. Взрывной, но отходчивый. Накричит, нашумит и тут же ходит тихим мышиком, хочет всех приласкать, что-то приятное сделать.

Больше всего его заводило вранье, непорядочность. Почему он в партию вступил? Чтобы помогать людям в театре, потому что тогда многие вопросы решались только на партсобраниях, а вмешаться он не мог. И вступив, он сделал очень много».

С. Ж.: «Когда в 60-е, 70-е стали подписывать письма в защиту гонимых, я однажды упрекнула его: почему не подписал? Он сказал что-то резкое, я вспыхнула, ушла. Когда пришла домой – звонок. Дядя Миша. «Успокоилась, дурочка? А теперь я скажу. Не тот умный, который, все видя, бьетса головой о стенку, а тот, кто в данных условиях старается сделать максимум». Конечно, он все понимал про нашу тогдашнюю жизнь. У него не было ощущения, что ему кто-то что-то должен за его популярность и дар. Он никогда не пользовался своим именем. Только если надо было помочь кому-то другому, не из семьи. Я, например, помню, как он помогал Каплеру. Это он делал всегда. В Моссовете даже хотели выделить ему секретаря с кабинетом – так много дядя Миша помогал людям по стране».

Е.Ж.: «А для себя стеснялся. Даже когда его маме дали квартиру и там не было мебели, его упростили позвонить на фабрику. Он позвонил, сто раз извинился: вот у меня такая ситуация. «Михаил Иванович! Да для вас полфабрики отдадим!»

Он так и квартиру получил. Прежняя была совсем малюсенькая. Его вызвали в Моссовет. Он пришел. Спросили: «Михаил Иванович, как вы живете?» «Прекрасно. Другие живут гораздо хуже». – «Но вы-то не другой. Вот на всякий случай вам ордерок, и переезжайте, пожалуйста, на Котельническую набережную, в трехкомнатную».

С. Ж.: «Больше всего он не любил жаловаться и просить. Помню, рассказывал нам с мужем, как был в Америке».

И вот в Америке молодой гид (сын каких-то эмигрантов), увидев этот костюм, сказал: «Михаил Иванович, так у нас одеваются только миллионеры». На что дядя Миша воскликнул: «Естественно, я типичный миллионер!»

Жарова тогда пригласили в Голливуд. Это было в год смерти старшего Кеннеди. Ездили в те времена исключительно группами. С Михаилом Ивановичем – Гоголева, Юлиан Семенов... В первые часы после перелета Жарову было плохо – что-то с сердцем. С первого взгляда Америка ему исключительно не понравилась. После нескольких часов отлежки решил все-таки выбраться в город. Посмотрел на карту

Нью-Йорка. Все показалось предельно простым: тут авеню, там стриты – не пропадешь. По-английски не знал ни слова. Свернув с 7-й авеню, очутился в каком-то парке. Вернулся назад. Не прошло и пяти минут, как он понял, что безнадежно заблудился. Надо было просить помощи. К кому за помощью обращается советский человек в бесчеловечной Америке? Правильно, к негру. Жаров выбрал добродушного угриватого верзилу. Тыча в карту, он допустил непоправимую ошибку, обратившись к цветному в следующей редакции: «Товарищ негр, скажите...» И незамедлительно получил по горячо любимой на родине и совершенно неизвестной в Новом Свете физиономии. «Товарищ» расслышал лишь слово «негр». Небольшого росточка белый полицейский спас артиста от больших неприятностей.

Восторженность по отношению к угнетенному населению Америки несколько поубавилась, но исчезла не полностью. Захватив Юлиана Семенова, Жаров отправился в палаточный лагерь каких-то протестующих слоев. Вокруг слоев почему-то густо группировались дорогие машины. В них сидели всевозможные мироеды, приехавшие поддержать едой и деньгами тех, кто против них выступал. Протестанты охотно принимали дань и продолжали акцию.

Узнав об этом визите, тогдашний посол в Америке Добрынин всплеснул руками.

– Михаил Иванович, дорогой, что вы творите! Вы ведь могли пропасть с концами. В этом палаточном лагере – одни разбойники! Я покажу вам то, чего не должен показывать.

И он провез Жарова по району, целиком разграбленному черными. После этого неофициальная часть визита была наскоро свернута.

В официальной значилось посещение знаменитой четы Мейер – владельцев одноименной киностудии.

Старики к тому времени отошли от дел, жили в Нью-Йорке, в простенькой квартире со смежным бассейном на четыре семьи. Жарова они знали по фильмам и были от него в восторге. Зашла речь о том, как живет артист Жаров, – супруги были достаточно хорошо информированы, как обстоят дела с уровнем жизни в эпоху победившего социализма. Были уверены, что и Жаров едва ли не бедствует.

– Я плохо живу?! – обиделся Михаил Иванович. – Да у меня квартира на сто метров, как у вас. У меня дача есть!

– Вы располагаете частной собственностью? – удивились Мейеры.

С женой Маей. Конец 50-х годов

Обожаемые дочери Лиза и Аня

– Получается, располагаю. У меня дача, машина, наконец, у меня няня есть!

– Зато у вас нет бассейна, – сказал старик Мейер.

– Нет, – грустно согласился Жаров. – Этого у меня нет. А вы знаете почему? Потому что один бассейн на четыре квартиры – это не гигиенично.

Есть люди, которые становятся красивыми с возрастом. Кому-то для этого приходится ждать старости (уверяют, что красота в старости – признак душевной гармонии). Жаров был великолепен, когда подошел к своему пятидесятилетию.

Это был период разрыва с Целиковской. Он тяжело переживал ее уход. Нервные приступы, бессонница, сердце, все было плохо. Дирекция Малого театра решила отправить его в истринский санаторий.

За несколько дней до приезда среди отдыхающих дам начался переполох: «Жаров едет!»

«Столоваться» его посадили к известным врачам Гельштейнам, отдыхавшим в Истре с дочерью Маечкой, которой тогда исполнилось восемнадцать. Не обратить на нее внимание было трудно.

Светлана ЖАРОВА: «Дядя Миша стал предводителем молодежной компании: лес, костры, лодки, походы. Через неделю Мая уехала на переэкзаменовку в город. В первый же день она скупил в ближайшем киоске фотографии Жарова и населила ими квартиру. Потом распустила свои роскошные, ниже колен, волосы, зажгла свечи и со слезами на глазах стала ходить из комнаты в комнату. В тот день она запи-

сала в своем дневнике: «Что мне делать? Я влюбилась в старого, некрасивого артиста Жарова...»

Она была уверена, что «старый, некрасивый артист» не обратит на нее никакого внимания. Несколько суток она прорыдала, потом бросила все свои переэкзаменовки и вернулась в санаторий. Катания на лодках и пикники возобновились. Во время одной из прогулок дядя Миша рухнул перед ней на колени и заплакал: «Я знаю, что не должен вам это говорить, но я вас безумно люблю...» После этого заплакала и Мая.

А через месяц после «истринских рыданий» Михаил Иванович сделал ей предложение.

Родители были в ужасе. Как подавляющее большинство зрителей, они считали Жарова человеком пьющим и ненадежным.

– Не волнуйся, – сказал Мае Михаил Иванович, – дальше мое дело.

И, как в старину, пошел просить у родителей руки дочери.

Проговорили они часов шесть. После этого до конца жизни они считали Жарова самым порядочным человеком, встретившимся на их пути.

Было это в 1950 году. А через пару лет «вождю народов» потребовалось организовать «дело врачей». Гельштейны

Михаил Иванович с дочерьми Лизой и Аней

были арестованы в числе первых.

Вот тогда-то, единственный раз, Жаров и пробился на прием в Кремль.

Родителей выпустили через несколько месяцев.

Они прожили вместе тридцать лет. Ровно такой же была между ними разница в возрасте. Однажды в дневнике Мая записала, что посвятит Жарову свою жизнь. И обещание сдержала с избытком. Темпераментный, взрывчатый, случалось, он ее безумно ревновал. Она ушла из института, где училась на художественного редактора. Научилась шить и вязать. По утрам обзванивала подруг, узнавая новые кулинарные рецепты. Ездил с ним на гастроли. Договаривалась о встречах, записывала, как секретарь, звонки. Сидела на всех его концертах.

К слову, о концертах. Жаров был, вероятно, единственным актером, не бравшим за них деньги (во всяком случае, долгое время). Считалось, что он баснословно богат. А ему не хотелось разрушать этого мифа. Но когда зашла речь о покупке дачи (той самой собственности, которой он гордился в Америке), выяснилось, что приобрести ее Михаил Иванович может только с помощью родителей жены. Они и купили в Валентиновке финский домик с двадцатью сотками, где Жаровы проводили почти все лето.

Елизавета ЖАРОВА: «Папа очень любил там бывать. Обожал печку разжигать, возиться с огнем. С утра сам в телогрейке, со свечкой спускался в подвал, чтобы разжечь. Часто мы по три месяца там жили. Еще любил строить что-то из дерева. Какие-то скворечники, ящики, полочки. Однажды почему-то смастерил клетку для кроликов, которых у нас никогда не было. Наверное, кому-то в подарок. В первой половине дня обычно шел в лес – не за грибами, ни за чем, а просто так, с палочкой с вбитым в нее гвоздем: ходил и боролся с мусором. Читал постоянно в шезлонге. И еще помню его почти всегда в таких полосатых пижамных штанах и старом-престаром пиджаке. Мама еще ему говорила: пап (она его всегда называла «папа»), ты бы снял это безобразие, хотя бы когда за ворота выходишь».

Есть люди, обладающие врожденным талантом жить. Все свои нереализованные дарования они спокойно и без надрыва перегруппировывают ради близких людей.

Мая обладала этим даром в полной мере. Она сделала для Жарова то, чего не могла сделать до нее ни одна женщина, – дом. В этом доме он мог чувствовать себя помолодевшим Фальстафом, особенно когда родились две его обожаемые дочери – Аня и Лиза.

Е. Ж.: «Он поздно ложился, рано вставал. До вечера смотрел телевизор. Любимые передачи – «В мире животных» и «Клуб кинопутешествий». Иногда кричал: «Девы (это мы с сестрой. – Е.Ж.)! Принесите-ка мне бутербродик с колбасочкой и чайку с молочком». И так каждые полчаса. У него была огромная кружка, в которую летело

семь-восемь ложек песка.

Любил водочку, делал ее сам – на чесноке, с перчиком, так, чтобы до носа продирало. Мог выпить рюмки две-три, не больше. И еще делал настойку на перепонках грецких орехов. Ну и коньяк любил. Вино не позволяла язва. Помнится, любимое блюдо – мозги. Нам няня Маша говорила, что это грибы такие. Сказать нам, девочкам, «мозги» она не решалась.

К маме часто приходили подружки – он всегда был очень терпелив. Посидит минут пять, пойдет: Маечка, я прилягу. Из командировок писал ей трогательные письма. И так до последних дней. Он ее боготворил. Я не могу это ни с чем сравнить. Мама была само спокойствие. Никогда на него не давила. Он постоянно советовался с ней. Для меня родители навсегда остались примером семьи, примером отношений между мужчиной и женщиной.

Папа всегда боялся за нас. Мама не работала, он переживал из-за того, что оставит семью неустроенной, что все пропадут без него. Соглашался в кино на то, что предлагали. Концерты давал на износ. Считал нас совершенно беспомощными. Да это так и было. С ним все было легко и замечательно. А после его смерти вдруг выяснилось, что все отвратительно и кругом – сплошное хамство.

Помню, устраивали поминки, и я пошла в гастроном, где папа брал заказы. Стоит такая крепенькая продавщица и с кем-то шушукается. Подошла моя очередь, и она мне очень спокойно говорит: «Жаров здесь заказы не берет, с тех пор как умер». Это было на девятый день после его смерти.

Болеет Жаров в последнее время часто и тяжело. Говорил, что у него рак. Похудел так, что все пиджаки повисли. Звезду Героя Социалистического Труда к восьмидесятилетию ему вручали уже дома. Приехал кто-то из правительства. Мая накрыла на кухне, по-семейному. Жаров довольно сдержанно реагировал на это событие.

Потом он попал в больницу. Диагноз – аневризм аорты. В палату его положили почему-то с негром по имени Майкл. Откуда он взялся и отчего его определили к актеру – неизвестно. Памятуя свои американские злоключения, Жаров ворчал: «Это мне специально негра подложили...» Негр оказался молодой и веселый – через пару дней Михаил Иванович что-то горячо обсуждал с ним. Позже к Жарову перевели какого-то пенсионера, и он стал ворчать, что с Майклом веселее. Был уверен, что скоро выйдет, заказывал журналы, книги. Но лучше не становилось. Аневризм аорты загадочным образом перешел в жуткие боли в боку.

Каким образом врачи ухитрились пропустить банальный аппендицит – отдельная тема. Умер Жаров от перитонита.

Он не любил, когда его навещали в больнице. Даже Маю в последний свой день заставил уйти из палаты: зачем на меня такого смотреть? На его рабочем столе осталась записка: «Ничего не трогать, скоро приду»

Хозяйка

Вера Петровна Марецкая

Первой ее «ролью» была Надежда Дурова. Гусар! Сестра Татьяна женой пробкой нарисовала Верочке усы. И кто-то из зрителей сказал: «Судьба! Она и будет Надеждой Дуровой». Кавалерист-девицей. Хозяйкой своей судьбы. И много лет спустя в Театре Моссовета ее называли Хозяйкой.

Она не смогла бы всерьез повторить слова Патрик Кэмбелл из пьесы «Милый лжец»: «Мне никогда не будет больше тридцати девяти лет. Ни на один день», – слова, ставшие девизом великой, всю жизнь боровшейся с неумолимым временем Любочки – так звали в театре Орлову.

Марецкую звали Ве-Пе.

– Хоть бы постареть скорее, – говорила совсем еще юная Верочка, вертясь перед зеркалом. Она казалась себе нескладной и не способной для театра (рост маленький, нос уточкой). Для театра, о котором грезил с того момента, как начала себя осознавать. Возраст представлялся ей синонимом мастерства. Потому и старух любила играть, с детства. Да, да, всерьез (Рыжова! Садовская!) думала, что предназначена для ролей комических старух. Даже когда провалилась на экзамене в студию Малого. Когда солидные братья называли ее «беспартийной актрисой». Когда поступила в студию Вахтангова.

Снежный король

Она часто повторяла: «Театр мой дом. Мой банк. Вся моя жизнь». И это был не пафос, а констатация. Потому что театр и на самом деле, в самом прямом смысле стал ее домом. Она часто ночевала в студии. В театре было хорошо!..

В бывшем особняке миллионера Берга, где располагалась студия Вахтангова (дар власти), – мраморный подъезд, лестницы со статуями, бархатные диваны и кресла. А дома порой не было хлеба.

Прежде, до революции, отец арендовал

буфет в цирке Никитиных, а мама смолodu была театралкой. Оба брата – Георгий и Дмитрий – учились так, что их за казенный счет приняли в Московскую практическую академию. После октября 17-го оба вступили в большевистскую партию. Младших сестер, Татьяну и Веру, агитировали «за комсомол». Татьяна вступила, а Вера анархически воздержалась. Поступила в университет на факультет философии. А через год бросила ради театральной студии, за что много интересного выслушала про себя от братьев.

После провала в студию Малого ее приняли в шалашинскую. А она оттуда через неделю сбежала, решив поступать к Вахтангову. И при огромнейшем конкурсе (при 350 записавшихся брали 50) поступила. В то время Евгений Багратионович Вахтангов задумывал «Принцессу Турандот» – ему нужны были молодые, пластичные статистки.

Новый, 1922 год встречали в студии. Марецкая к тому времени была занята в «Турандот» в бессловесной роли цанни – служительницы просцениума. Один из педагогов студии Юрий Завадский проснулся знаменитым после роли Калафа в этом шедевре Вахтангова. Еще совсем молодой, прекрасно-холодный, загадочный, он покорял всех. И Верочкино сердце было разбито. А прекрасный Калаф несколько раз выгонял свою ученицу с занятий, тщательно скрывая свое неравнодушие к ней... В сущности, он так и остался единственным, «главным» мужчиной ее одинокой жизни. После него слишком трудно было встретить равного.

Тучи над третьей студией начали сгущаться сразу после смерти Вахтангова, ближайший родственник которого И. Ю. Козловский был председателем Малого Совнаркома. Вот тогда Завадский впервые и ощутил на себе, что такое травля, в том числе публичная, в прессе. Это многое определило в его настороженной, испуганной жизни. В 1924-м студию закрыли. Станиславский пригласил Завадского и еще нескольких студийцев к себе во МХАТ. Марецкой среди приглашенных не оказалось. У основоположника и своих «старух» хватало (запоздалое приглашение последует через 12 лет, но Марецкая его уже не

примет). Параллельно Завадский основал собственную студию на Сретенке, в здании бывшего... паноптикума. Студия и стала прообразом Театра имени Моссовета. «Паноптикум единомышленников» – это, возможно, отсюда.

Репетиции, занятия, спектакли, эскизы к декорациям, монтаж декораций. Оба, и Марецкая и Завадский, жили в театре. Костюмы для спектаклей Верочка шила сама – это она-то, которую дома доставали попреками за незаштопанное белье. О зарплате в студии и речи не было. Наоборот, артисты, зарабатывавшие «на стороне», несли все на Сретенку. Актрами студии вскоре стали забракованные всеми режиссерами столицы Николай Мордвинов и Ростислав Плятт. Позднее – Осип Абдулов.

Дом там, где сцена... А дома, в Мансуровском переулке, вскоре стало холодно и отчужденно. Даже самые близкие не догадывались, что отношения Завадского и Верочки уже «исчерпали себя».

Загадочным и почти нечеловеческим образом Калаф расставался со своими женами без коммунальных надрывов. Он оставлял их, приручая пожизненно. Встретив во МХАТе молодую актрису Ирину Вульф, он влюбился, какое-то время скрывал это от Верочки. Она вскоре все узнала сама. И он ушел, взяв кое-какие книги, эскизы и свои неизменные карандаши.

Ушел из квартиры, но не из жизни Марецкой. Их продолжали связывать театр и маленький сын Женя. Уйти из студии?! У нее и мысли такой не было. Изменить Калафу?! Марецкая так и не смогла. Удивительно, но и Ирина Вульф после разрыва с Завадским (став впоследствии известным режиссером Ириной Сергеевной Анисимовой-Вульф) не ушла из его театра, несмотря на предложения создать свой. Каким-то колдовским даром пожизненного пленения обладал этот человек, созданный из вьюги и льда «серебряного века». Снежный король...

«Идеальное лицо для грима», – говорил он о Марецкой, имея в виду ее неистощимую тягу к перевоплощению. Она по-прежнему советовалась с ним по каждой роли, ловила каждое его слово. И, надо

сказать, он продолжал опекать ее творчески. А в Мансуровский переулок запросто заходил пообедать, провести сына... Безмерно далекий, совершенно неуловимый.

В 1932-м Марецкая сыграла первую свою крупную роль – Бетти Дорланж, в «Школе неплательщиков» Л. Вернейля, после чего вся Москва повторяла ее фразу: «Не с кем жить, господа, совершенно не с кем...» Эта театральная миниатюра была признана шедевром.

А вскоре она снялась в своем первом фильме вместе с Игорем Ильинским – «Закройщик из Торжка».

Вера Петровна и Юрий Завадский. Руза, 1976 год

«Как-то давно смотрела фильм, – спустя много лет записывала в дневнике Фаина Раневская, – но по сей день мне видится лицо, глаза прелестной девушки с гусем в руках, она с восхищением рассматривает незнакомую ей улицу. Все ее удивляло, забавляло.

Я подумала, любуясь ею, о том, что у нас появилась редкостно талантливая, обаятельная актриса. Увидев знакомого режиссера, спросила: «Что это за прелесть с гусем?» И впервые услышала имя, ставшее дорогим всем нам, – имя Веры Петровны Марецкой.

Нет, я знала актрис лучше Раневской».

Вера Петровна много снималась в начале тридцатых. В том числе в довольно странных фильмах. Один из них, например, пропагандировал борьбу с венерическими заболеваниями. Другой – борьбу с алкоголизмом. Третий – еще какую-то борьбу. Она удостоилась похвалы Максима Горького, после чего спародировала Буревестника с его оканьем прямо в его присутствии. Нет, не это, конечно же, стало причиной очередной порции газетной травли Завадского и Сретенки. Прекрасный Калаф с его эстетскими спектаклями, дружбой с Михаилом Чеховым и множеством другим противопоказаний давно ходил в неблагонадежных.

В 1938-м театр был фактически сослан в Ростов-на-Дону. Многие из актеров предпочли разными способами остаться в Москве. Марецкая последовала за учителем.

«Член правительства» и сестра врагов народа

Ростовский театр представлял собой довольно диковинное и диковатое сооружение в форме... трактора с залом на две с половиной тысячи мест. Акустика отвратительная. На сцене, способной выдерживать участие бронированной техники, необходимо было оратор. Эстет Завадского учили и таким вот образом. Массовки, монументальность – какой уж там «серебряный век»... Марецкая сорвала на этой сцене голос. Три операции на связках – память о «тракторном» творчестве и хождении в народ.

Впрочем, кто скажет, как бы все обернулось, останься он в Москве. Разгромленные театры, посаженные режиссеры, расстрелянные артисты – лицедеи разделили судьбу своего народа.

У Марецкой был свой жизненный сюжет, развивавшийся в параллельном измерении. В первом – дневном, открытом, освещенном софитами – гремели оркестры, пенилось шампанское кремлевских банкетов, сыпались награды – после участия в культовой картине «Член правительства». В другом, сумеречном, Вера Петровна Марецкая, как и миллионы рядовых граждан, отправляла посылки на Север. С какого-то момента – уже без надежды на то, что они дойдут. Оба ее брата, корившие сестру Веру за аполитичность, – книгочеи, партийцы, выпускники Института красной профессуры – работали в газетах. Григорий служил замом редактора «Комсомольской правды», младший – Дмитрий – был членом редколлегии «Правды». Расстрельные по тем временам места... Агитпропы, бухаринцы, право-клонисты. Это им и припомнили. Дмитрия исключили из партии и арестовали по знаменитому делу Рютина (участие в оппозиционном союзе марксистов-ленинцев). Сначала ссылка, затем пять лет политизо-

лятора в Верхнеудинске. Вскоре арестовали и Григория.

Родители к тому времени умерли. В 1941-м на второй день войны с общей бедой пришла весть: пропала младшая сестра Таня, ушла из дома и не вернулась. Обегав все морги, Вера Петровна решила позвонить туда, куда прежде звонила, узнавая о судьбе братьев. И не ошиблась: у них. Пошли в Сибирь посылки для Тани.

Народную, орденоносную актрису Марецкую «по законам военного времени» могли выслать как родную сестру государственных преступников. А из близких рядом был только Троша, Георгий Троицкий. Они вместе работали еще на Сретенке. Честный, исполнительный, никогда не претендовавший на первые роли, в театре он был на положении актера массовки, и ценили его прежде всего за работоспособность, золотые руки, немногословность. Он и в жизнь Марецкой вошел как некий «домохозяин», освободивший ее от бытовых хлопот. Как и в театре, все что-то чинил, приколачивал, готовил, ходил по магазинам, принимал простые решения. По серьезным вопросам – тем более творческим – Марецкая с ним не советовалась. Да он и не претендовал на это. Она принимала его безответную любовь, абсолютную преданность. А уж какие муки он терпел, какие бури бушевали в душе этого, в сущности, несчастного человека, не знал никто. Одно известно: в самом начале войны Троицкий, имевший право на бронь, отказался от всех привилегий и ушел добровольцем на фронт. Было ли это ответом на его двусмысленное положение в жизни Марецкой, кто знает... В Алма-Ате во время съемок фильма «Она защищает Родину» – того эпизода, где Прасковья склоняется над убитым мужем, – Вера Петровна получила стандартную похоронку, извещающую, что Георгий Троицкий пал смертью храбрых.

А на следующий день она снималась в сцене собственной казни. Какие события и люди могли сломить эту женщину?

Неоконченный роман

Замуж с тех пор она так и не вышла. Хотя о ее романе с Ростиславом Пляттом говорили как о возможном союзе. Если бы это было так... Плятт был женат, а Марецкая не собиралась разрушать семью обожаемого ею Ростика. Легкий, ироничный, он поддерживал ее во всех ситуациях. Вместе с Завадским они вернулись в Москву из Ростова – теперь уже в полной мере в свой театр – имени Моссовета. Их роман органично продолжался и поддерживался на сцене, где они с Пляттом стали постоянными партнерами: и в «Госпоже министерше», и в «Бунте женщин», и во многих других спектаклях, ничтожных по драматургии, но ставших аншлаговыми благодаря их блистательному дуэту. Они преодолевали текст, разыгрывали собственные сюжеты, купались в роскоши импровизации. На одном из спектаклей Плятт, великий мастер розыгрышей и «расколоу», прямо на сцене объявил своей неизменной партнерше, что петить не способен по причине «ката-ра верхних дыхательных путей».

– Пой निжними, – в одно касание реагировала Вера Петровна.

Она играла все. Пожалуй, не было на то время актрис, равных Марецкой по разнообразию и амплитуде ролей. Змеюкина в «Свадьбе» и Мирандолина в «Хозяйке гостиницы», Маша в «Чайке» и Елена Андреевна в чеховском «Лешем». В тридцать пять лет она сыграла четырнадцатилетнюю Машеньку – при распределении ролей никто, кроме Завадского, не верил, что это возможно.

Мало кто помнит, что «Свадьбу» – это актерское пиришество, в котором, кроме Марецкой, снимались Фаина Раневская, Зоя Федорова, Эраст Гарин, Сергей Мартинсон, Алексей Грибов, Михаил Яншин, Осип Абдулов, – обвинили в легкомысленной подаче Чехова, отсутствии

«социального звучания» и прочем маразме. А дело было так. Режиссер Анненский просто собрал свободных и не успевших уехать в эвакуацию артистов и быстро снял фильм в павильоне. «Свободными» на тот момент оказались многие из великих.

Змеюкину Марецкая сочиняла буквально на ходу, как экспромт с Мартинсоном.

Сколько ролей буквально вытащено было Верой Петровной из драматургической невнятицы или откровенной халтуры. По старому уговору с Завадским, даже если роль очень не нравилась ей, Марецкая играла премьеру, а потом уступала место второму составу.

Мало кто знает, что открытие пьесы «Милый лжец» состоялось при ее непосредственном участии. Именно Марецкая должна была играть Патрик Кэмбелл с Пляттом. Но их опередили мхатовцы – Анатолий Кторов с Ангелиной Степановой. Время было упущено, а потом получилось так, что в пьесе этой с Пляттом сыграла Орлова.

А кино, это изменчивое, ненадежное кино, проэксплуатировав ее драматический дар, без сожалений рассталось с ней в начале 50-х. С тех пор Марецкая так и не снялась ни в одном достойном ее уровня фильме. И лишь в самом конце жизни судьба подарила ей встречу с Борисом Андреевым в картине «Ночной звонок»: первоначально утвержденная на роль жены, она сыграла его мать, глубокую старуху. Со старух она начинала, и вот теперь – под ногами «дышала почва и судьба». Гораздо позднее только из-за тяжелой болезни Марецкая не смогла принять участие в «Калине красной»: Шукшин просил ее сыграть мать своего героя.

Она хорошо знала себе цену. «В своей профессии я – маршал», – говорила Марецкая, когда возникала необходимость какого-нибудь деликатного разговора с начальством. Тогда она надевала свой «икончас» и шла по инстанциям.

Про нее говорили – «хозяйка», но и она, действительно державшая в узде театр, сидела без ролей, искала материал, пьесы, а в периоды простоя ездила по стране с концертами. Впрочем, не только по стране. Марецкую хорошо знали и за границей. Эта «Сельская учительница» была вполне органична и на посольских приемах, и на кинофестивалях, свободно говорила на немецком и французском.

Свою личную жизнь она умела оберегать от сплетен и пересудов. Даже когда в ее дом входила беда. В ее прелестной квартире на улице Немировича-Данченко они жили одной семьей с дочерью Машей Троицкой. Потом Мария Георгиевна вышла

замуж за молодого ученого. А вскоре произошло несчастье – муж Маши повесился. Сама она попала в неврологическую клинику. Состояние Марецкой было страшным. У нее начались невыносимые головные боли. Ее положили в «кремлевку». Там и диагностировали опухоль головного мозга – болезнь, от которой умерли Таиров и Алла Тарасова.

Марецкая продолжала работать так, словно смертельный недуг – лишь досадное недоразумение.

Трое великих на одну роль

В шестидесятые годы Театр Моссовета был едва ли не первым в стране по звездным именам: Мордвинов, Плятт, Бероев, Раневская, Орлова, Марецкая.

Во время триумфальных гастролей театра в Париже Ве-Пе сидела в гримерной Сары Бернар. Перед началом спектакля «Дядюшкин сон» (Марецкая заменила фактически отказавшуюся от гастролей Раневскую) Вере Петровне стало плохо с сердцем. Прилегла на кушетку. И вдруг впервые так подумала: «А неплохо бы помереть на кушетке самой Сары Бернар». Обошлось...

Ее отношения с Раневской и Орловой были прихотливы и драматичны. Три великие актрисы в одном театре. И не просто великие – любимцы народа. Это не просто много. Это взрывоопасно.

Завадский, узнав о болезни Марецкой, решил сделать и ей подарок к 70-летию:

Фото из архива музея Театра им. Моссовета

Вера Петровна и Юрий Завадский. Руза, 1976 год

звезду Героя Социалистического Труда. А для подарка нужна была серьезная роль. Таких у «хозяйки» театра на тот момент не оказалось. И Завадский распорядился ввести Веру Петровну на беспроигрышную «Миссис Сэвидж». Сначала эту роль играла Раневская, а потом Орлова. Вводом он занимался лично.

Марецкая вытащила роль на зубах, на своем нечеловеческом характере. Когда, казалось, запас успехов, рассчитанный на роль миссис Сэвидж, полностью истощился, Ве-Пе сумела внести в список побед и свое имя. Больная, измученная операцией и ужасающими химиотерапиями.

В театральном обиходе есть правило: актер, введенный на роль, должен сыграть по крайней мере два спектакля подряд.

– А Любочка мне это разрешит? – спрашивала Вера Петровна на премьерном банкете.

Любочку никто особо не спрашивал. Административное равнодушие и слабость

Завадского низводили великих актрис до уровня провинциальных премьерш. Актрис, каждой из которых только и оставалось, что эта последняя роль.

Марецкая сыграла семь «Сэвидж» подряд.

Орлова звонила в дирекцию узнать, когда будет ее спектакль. Возмущалась, спрашивала: «Меня что, сняли с роли?» Директор оправдывался, обещал поставить на следующий спектакль ее.

В кабинете Завадского шли совсем другие разговоры. Со слезами на глазах Завадский говорил: «Вере осталось недолго. Пусть сыграет еще один спектакль. Ну еще один. Что-нибудь придумаем...»

Марецкая играла. Орлова, долгое время не зная о ее болезни и причинах своего отстранения, грозилась, что пойдет к министру культуры Демичеву. Это не было пустой угрозой: все знали, чтобы пробить свой последний, подорвавший ее силы фильм, она ходила на прием к Георгадзе, и ей помогли.

Уставший, постепенно отходящий от дел Завадский не решился спасти Ве-Пе ценой еще одной проблемы. Следующий спектакль играла Орлова. Марецкая легла в кунцевскую больницу на вторую операцию. По Москве поползли слухи: дни ее сочтены, вряд ли выйдет...

Но она вышла и вернулась на сцену. Она даже куражилась над своей болезнью, над своей внешностью. Как рассказывали, приглашенная на творческий вечер одного известного актера, Ве-Пе появилась в вестибюле, быстрым движением сорвала с головы парик, обнажив лысую голову, и через секунду водрузила его на место.

А после – опять в больницу...

Вскоре там оказалась и Любочка – это вечно юное существо, казалось, не подвластное никаким болезням и самому времени.

Позднее в «кремлевку» попал и Завадский.

– Ты от меня к Вере? – спрашивал он пришедшую навестить его актрису. – Обязательно передай ей привет, я скоро отсюда выберусь.

И вместе с приветом передавал несколько своих рисунков. Это был ритуал.

– Странно, сколько раз передавала привет Любочке, а она мне ни разу, – жаловалась Марецкая.

– И не передам, не надейтесь, – неожиданно жестко реагировала Орлова, когда ей рассказывали о сговорах Веры Петровны.

Так они и лежали на разных этажах одной больницы, связанные друг с другом старостью, несчастьем и сигнальной системой принимаемых или решительно отвергаемых приветов.

Первой ушла из жизни Орлова. Вера Петровна смогла прийти на панихиду. Долго стояла у гроба, всматриваясь в неузнаваемые черты бессмертной Любочки. И будто бы произнесла: «И тут она первая...»

Потом затеяли съемки «Миссис Сэвидж» на телевидении. Сниматься должна была Раневская по праву первой исполнительницы. В один из дней Фаине Георгиевне позвонил Завадский, уговаривал отказаться. Она и отказалась.

Марецкая прошла и сквозь это: закулисное шипение, физические муки съемок. Она смогла довести работу до конца.

В театре каждый спектакль играла как последний. На одном из них ее постоянный партнер Константин Михайлов, прощаясь с миссис Сэвидж, поклонился ниже обычного и поцеловал руку. На глазах слезы. Прощались не только персонажи. Прощались актеры. И она прощалась: с театром, со всей своей большой одинокой жизнью.

В больнице ее ждал магнитофон: до последнего Марецкая записывала на пленку стихи Пушкина, Некрасова, Цветаевой, надеялась сделать поэтическую программу с Евгением Завадским – сыном Ю-А. Самого Калафа уже не было в живых. Она пережила и его...

Накануне 70-летия вышел указ о награждении Веры Петровны звездой Героя Труда. У нее уже отказывали ноги. Но – не приехать?! Нет! Она приехала. И даже произнесла речь. «С одного дубля», – шутя говорила потом.

Но этого «потом» уже не осталось.

Вера Марецкая ушла из жизни 17 августа 1978 года. ■

НЕУДОБНАЯ ПЕРСОНА

Полвека пылились в запасниках фрески Шагала

Парадоксально, но в конце XX века не только археологические раскопки являют миру неведомые шедевры. Одной из величайших художественных сенсаций стало открытие семи театральных панно знаменитого живописца Марка Шагала (1887–1985). Открытием это можно назвать лишь условно: биография панно — одна из самых драматических и остросюжетных в истории мирового искусства.

Памятник молодому
Шагалу возле дома-
музея в Витебске

Александра ШАТСКИХ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

С марта по июнь 1991 года Мартини, крохотный швейцарский городок, был местом паломничества профессионалов-музейщиков и ценителей искусства со всего мира. Около 300 тысяч зрителей посетили выставку «Шагал в России», устроенную местным уроженцем Леонардом Джанаддой.

Архитектор, миллионер, меценат, он построил здесь Центр искусств. Швейцария богата древностями: при постройке Центра нашлись и утварь, и оружие, и скульптура из бронзы и мрамора. Само здание было возведено над фундаментом римской постройки I в. н. э. Джанадда — энтузиаст археологических кладов, и, может быть, поэтому он так настойчиво, страстно стремился открыть миру шагаловские сокровища, более полувека назад заживо погребенные в столице СССР.

Во всем художественном мире знали, что в запасниках Третьяковской галереи спрятали уникальные театральные росписи, созданные Шагалом в 1920 году в Москве. Они лежали мертвым грузом, поскольку Шагал был весьма неудобной персоной для властей предрежущих. Великого художника официально признали на родине лишь во второй половине 80-х годов, и тут-то сразу обнажились проблемы, связанные с возвращением его работ к зрителям.

В старой Третьяковской галерее не было ни одной мало-мальски подходящей мастерской, чтобы просто развернуть главное восьмиметровое панно. А уж о том, чтобы найти для него реставраторский стол, и говорить не приходилось. При реконструкции Третьяковки предусмотрели устройство обширных реставраторских мастерских. И все равно оснащения и средств для восстановления шагаловских росписей не хватало.

Тут-то и возник швейцарец Джанадда. Меценат щедро финансировал реставрацию. Для того чтобы справиться с постав-

ленной задачей — позволить людям увидеть шагаловские шедевры, — понадобились необычные решения. Например, потребовалось придумать и сконструировать специальный подрамник для грандиозного полотна. Старший реставратор Третьяковки Алексей Петрович Ковалев изобрел уникальный сборно-разборный подрамник-каркас, который изготовили по его чертежам в Швейцарии. Лучшие реставраторы помогли возродить картины.

На выставке в Мартини общее музейное пространство объединило римские руины начала нашей эры и шагаловские росписи XX века. Панно оказались чем-то сродни помпейским стенным фрескам.

История знаменитых театральных росписей началась в Москве на одной из тихих центральных улиц. Здесь, в трехэтажном доходном доме постройки 1902 года по Б. Чернышевскому переулку, 12, в обширной квартире в бельэтаже, разместился в апреле 1920 года Госект — Еврейский камерный театр.

Летом того же года Шагал появился в Москве. Позади был опыт революционных лет, комиссарство в Витебске, где удалось организовать Народное художественное училище и Музей современного искусства, наладить выставочное дело. Административные заботы сильно докучали Шагалу, не давая прорваться к мольберту, но нельзя было оставить поверивших в него учеников. Радикальный авангардист Казимир Малевич, приехавший в Витебск в конце 1919-го, сумел увлечь юные сердца проповедью собственной живописной системы, супрематизма, и у Шагала появилась возможность бросить опостылевшее администрирование. Тем не менее тяжелый осадок и грусть остались на всю жизнь, и

всю жизнь он считал, что Малевич изгнал его из родного дома.

Идея пригласить Шагала в театр принадлежала заведующему художественной частью Госекта А. М. Эфросу. 20 ноября 1920 года он привел Шагала в здание по Б. Чернышевскому переулку, познакомил с главным режиссером А. М. Грановским. Речь шла об оформлении трех миниатюр Шолома Алейхема, которыми хотел открыться театр. Гость пожелал осмотреть будущую сцену: на втором этаже как раз соорудили зал, для чего крушили перегородки между бывшими парадными гостиницами. И тут, в грохоте и пыли перестройки, Шагал внезапно и весьма решительно заявил, что вместе с декорациями к спектаклю он распишет стены зрительного зала. Ошарашенные Грановский и Эфрос согласились, но условия были жесткими: театр должен открыться 1 января 1921 года.

Открытие состоялось в срок. За сорок дней и ночей Шагал единолично исполнил не только декорации и костюмы к трем миниатюрам, но и расписал весь интерьер. Для революционных праздников в родном Витебске художник отдавал обширные плакаты-панно на холстах, которые затем укреплялись на стенах домов. Это и подсказало технику исполнения театральных фресок. В Москве для росписей пришлось использовать простынное полотно... В те дни Шагалом были созданы: громадная композиция «Введение в еврейский театр» по продольной стене зала; в простенках между окнами висели четыре, вертикальных панно «Музыка», «Танец», «Драма», «Литература» (их высота была чуть больше двух метров); поверх них, над окнами, тянулся восьмиметровый фриз «Свадебный стол»; торец зала с входной дверью был украшен почти ква-

Панно «Введение в еврейский театр»

дратным панно «Любовь на сцене». В зале имелись еще пол и потолок. Пол Шагал оставил нетронутым — на нем он расстилал для работы большое панно. А вот на потолке роспись появилась: плафон с «летающими любовниками» (по другой версии — с танцующими канатоходцами). Похоже, художником владел своеобразный тегот васишт, страх пустого пространства. За небольшим театральным залом (всего на 90 мест) закрепилось название «шагаловская коробочка».

Публику, заполнявшую театр, настенные композиции ошеломляли. Эфрос принужден был читать перед началом спектаклей маленькие лекции, объяснявшие смысл шагаловских фресок. Центром композиции «Введение в еврейский театр» было портретное изображение Эфроса, на руках вносившего Шагала в некое условное театральное пространство; рядом возвышался серьезный Грановский. Над головой каждого была выведена его фамилия; Шагала безудержно озорничал, заменяя буквы изображениями, чертил слова не справа налево, как полагается в добропорядочных еврейских надписях, а слева направо, как принято у европейцев и русских. (Несколько опережая события, нужно сказать, что имя Грановского было специально искорежено неведомым маляром в конце 20-х, поскольку режиссер стал одним из первых советских «невозвращенцев», отказавшись вернуться в Москву после гастролей в Европе в 1928 году.) Явление Шагала на театре приветствовал, пародируя цыганский обычай, карликообразный персонаж; его прототипом послужил актер Х. С. Крашинский. Художника радостно встречал оркестр свадебных музыкантов. Под музыку выкидывал невообразимые коленца сценический герой Михоэлса. Этот любимый Шагалам человек и актер трижды появлялся во «Введении...» — в облике пляшущих персонажей и в своей обычной одежде, при галстук и шляпе — позади стоявших на головах циркачей.

Портретных образов много на центральном панно. Есть среди них и дочь Шагала Ида, и его жена Белла, рукоплескавшая актерам рядом с драматургом И. М. Добрушиным.

Четыре панно в простенках окон представляли своеобразных муз. Ученый переписчик торы, первый поэт, персонафицировал «Литературу». Олицетворением духа музыки стал зеленолицый скрипач; в незабвенном Витебске времен детства и юности Шагала на пересечении улиц в центре города сидел нищий музыкант с землистым цветом лица: ему суждено было обрести бессмертие в картинах великого земляка. Толстая сваха, с упоением топавшая мощными ногами, превратилась в воплощение «Танца». Родоначальником «Драмы» оказался свадебный тамада с его забавными затеями. Длинный узкий фриз «Свадебный стол» объединял всех этих неперенных участников брачного торжества.

Панно «Музыка»

Об обольщениях и чарах театра говорило панно «Любовь на сцене». Расположенное напротив настоящей сцены, оно как бы удваивало театральные подмостки зала.

Шагал в полной мере отдавал себе отчет в значимости своих росписей — изнурительная борьба за доступность их широкому зрителю началась сразу же после открытия театра. Ее пришлось вести с правлением Госекта — отношения между Грановским и Шагалам неимоверно усложнились после совместной работы, поскольку главному режиссеру было трудно вынести художественную диктатуру Шагала, а для Шагала было немыслимо подчинить свою творческую фантазию кому бы то ни было. В феврале 1921-го живописец отослал сердитое письмо, вот его фрагменты: «Оказалось, что вещи как будто попали в клетку и их в тесноте (да не в обиде) может (увидеть) если расположен(а) сотня евреев. Я очень люблю евреев (доказательств много), но я люблю и русских и нек(оторых) др(угих) инородцев и привык серьезные работы писать для многих «народностей». Поэтому вполне естественно и законно мое требование и обращение к театру с просьбой предоставить мне 28 час. в течении 2-х недель по 2 часа ежедневно для организации выставки и обзора работ всем желающим. (...) От этого требования отказаться не могу. Жду официального ответа. Марк Шагал. 12 февраля 21». Это было первое, но далеко не последнее такого рода письмо художника. Но лишь оно одно увенчалось успехом при жизни Шагала: выставка его театральных фресок была устроена в июне 1921 года.

В начале лета 1922 года Шагал уехал из России — официальным поводом служило устройство персональной выставки в Европе; спасительной визы добился А. В. Луначарский. Мастер увозил все принадлежавшие ему работы. Но панно оставались в Москве, они были собственностью театра. Художник чувствовал, что разлучался с любимым детищем если не навсегда, то надолго. И тогда он написал маленькую композицию по уже существующей росписи. То есть свершился обратный процесс — эскиз был исполнен после, а не до работы. Долгие-долгие годы этот эскиз да сделанная перед отъездом фотография были единственными свидетельствами его уникальной московской работы.

В 1921 году Госект получил большое помещение на Малой Бронной, и прилагательное «камерный» было снято из его названия, театр превратился в Госет. На Б. Чернышевском переулке осталась студия театра, в «шагаловской коробочке» шли камерные концерты и вечера. Но через четыре года эту сцену у театра отобрали. Сохранилось драматическое письмо Грановского, искавшего защиты у Луначарского от самоуправства властей. Луначарский помочь не смог, шагаловские панно сняли с родных стен и перенесли на Малую Бронную. При этом переезде роспись на потолок потерялась. Утрата особенная: в течение всей своей долгой жизни Шагал создал всего два плафона: один в 1920 году в Москве, а второй — в 1964-м для парижской «Гранд-опера».

До Шагала дошли слухи о каких-то неприятностях, он решил, что здание, где он делал росписи, рухнуло. Этому мнению все доверяли, и шагаловеды считали первое здание театра погибшим. Каково же было удивление и радость автора этих строк, когда из случайного разговора с бывшими жильцами дома по Б. Чернышевскому переулку вдруг стало ясно, что дом цел и невредим, стоит там, где стоял всегда, и на него в любой день можно полюбоваться.

Бывший Шагалавский зал в доме на Б.

Чернышевском был превращен в одну из комнат густонаселенной коммуналки, которую в 30—60-х годах занимала семья генерала Советской Армии. Большая, генеральская комната запомнилась соседям невысоким подиумом у одной из стен (бывшая сцена!), где жильцы устроили спальню, а также гипсовой, сохранившей следы позолоты лепнины. Она покрывала стены поверху и окружала потемневший то ли овал, то ли прямоугольник в центре потолка: быть может, там скрывались «летающие любовники» Шагала и неведомо для обитателей коммуналки осеняли их быт? От старых жильцов дома довелось мне услышать романтический апокриф: мол, когда-то сюда приезжал кто-то от Шагала и умолял продать за валюту штукатурку с потолка...

Достоверные же события разворачивались в следующем порядке: дом в конце 60-х годов был отдан под учреждение; лепнину сбили при перекладке коммат под помещения вычислительного центра; в бывшей «шагаловской коробочке» еще недавно стояли счетные машины. Еще раз хочется подчеркнуть, что речь идет о доме, где жили Соломон Михоэлс и Вениамин Зускин, о доме, где был зал с шагаловскими росписями — ширина и высота межкоконных простенков бельэтажа навеки закреплены в размерах знаменитых панно... Много ли домов в Москве могут похвастать такой биографией?

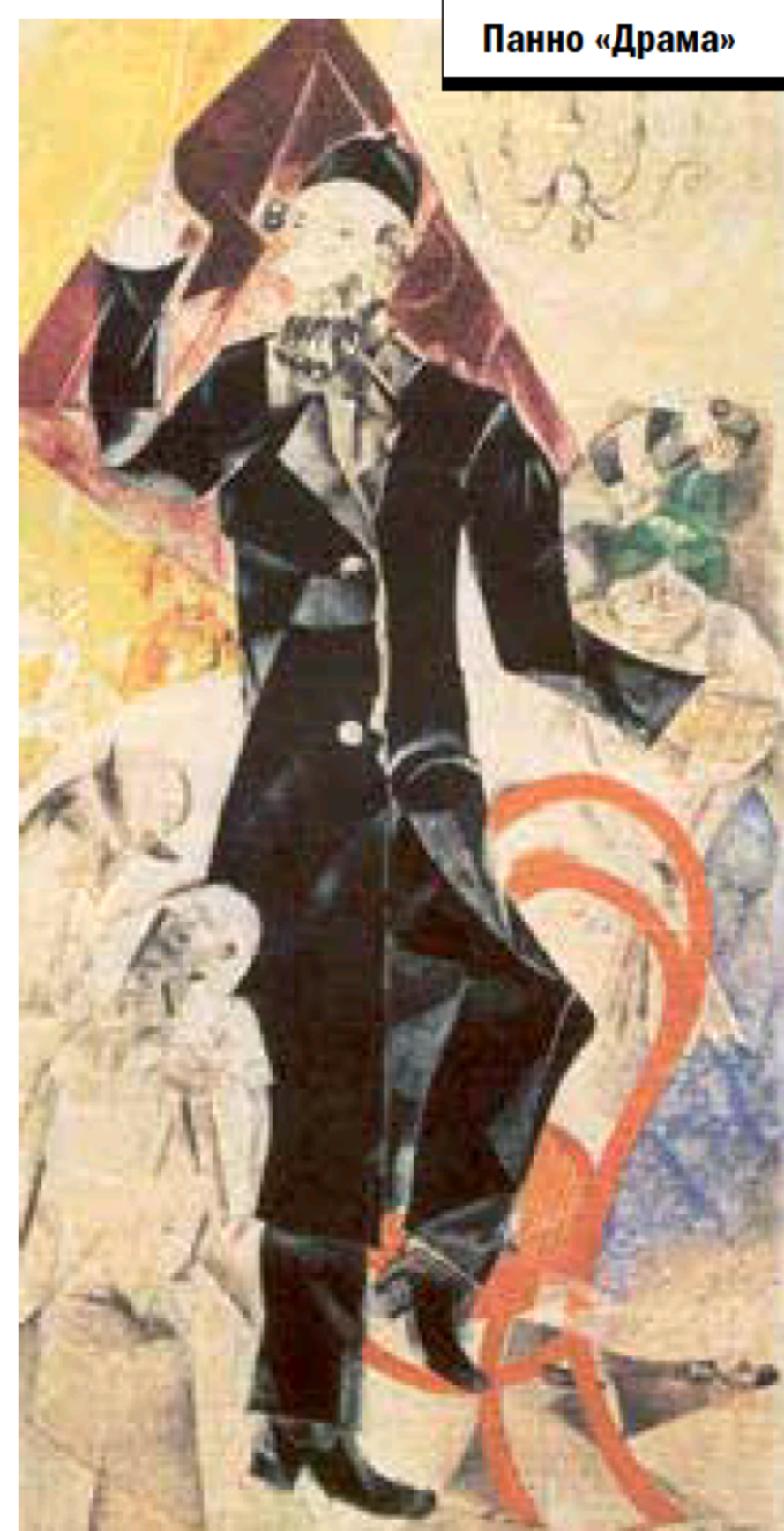
Советская история неумолимо шла своим чередом. Художника ей было уже не достать, зато его работы были в ее власти. Семь театральных панно Шагала, перенесенные на М. Бронную, исчезли со стен театрального фойе в страшном 1937 году; актеры, вернувшись после летних гастролей, узнали, что панно сняты, свернуты в рулоны и спрятаны среди старых декораций. Картины, по сути дела, были репрессированы.

В России оставалось немного людей, не боявшихся переписываться с Шагалам. Почти все письма 30-х годов, приносимые художником П. Д. Эттингеру, московскому искусствоведу-коллекционеру, наполнены просьбами Шагала хлопотать о предоставлении его театральных росписей на разнообразные выставки. Эттингер хлопотал как мог — ответа от властей не было никогда.

В 1943 году во время американского турне Михоэлса, собравшего огромные средства в помощь воюющей родине, Шагал встретился с другом молодости. Очевидно, он узнал о новом повороте в судьбе фресок. Вопросы и просьбы в шагаловских письмах к Эттингеру иссякли.

В январе 1948 года Михоэлс был убит. Госет закрыли в следующем, 1949-м. Все художественные ценности передали в Государственный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Музей этот маленький, условия для хранения работ в те времена были очень плохие, охраны никакой. В начале 50-х годов в Бахрушинском музее случился загадочный пожар, от которого почему-то больше всего пострадали произведения и материалы из бывшего Госета... Но, к счастью, театральные панно Марка Шагала избежали этой казни, ибо они, единственные из всего госетовского имущества, были переданы в Третьяковскую галерею. Устойчивая московская легенда гласила, что заслуга в этом принадлежала Александру Тышлеру, прекрасному живописцу, мужественному человеку, боготворившему искусство Шагала. Постоянный художник Еврейского театра, он на свой страх и риск и чуть ли не на собственных плечах доставил панно в запасники Третьяковки.

С тех пор только хранители художественной галереи могли видеть шагаловские

Панно «Драма»

росписи. Раз в год-полтора они снимали холсты с валов, проверяли их состояние и снова сворачивали. Это были десятилетия скрытой истории шедевров художника.

Неимоверная паника разразилась в Министерстве культуры СССР и в Третьяковке, когда Шагал, приехавший в Москву в июне 1973 года, захотел увидеть панно (считавший, что росписи давно погибли, он был счастлив узнать, что они уцелели). Тогдашние сотрудники галереи рассказывали мне, что огромные холсты разложить было нелегко. Наконец решили сделать это на полу в серовском зале. При этом начальство Третьяковки строжайше запретило кому бы то ни было посещать этот зал.

Старый художник был очень растроган встречей с творениями своей молодости; попросив кисть и краски, он поставил дату и подписал панно русскими буквами — редкостная сигнатура на его работах.

Авторизованные холсты были снова водворены в запасник. К их реставрации приступили уже после завершения почти столетней жизни Шагала. Краски картин были странноватые: то ли гуашь с акварелью, то ли темпера — на тонком простынном полотне они лежали жидким-жидким слоем, а то и просто были втерты. Реставраторы благословляли, как ни кощунственно это звучит, трудности, доставшиеся художнику в годы гражданской войны. Масло давно было осыпалось при всех пертурбациях, выпавших на долю росписей. Красочная поверхность сохранилась превосходно, и поэтому третьяковцы ручаются, что живописные шедевры Марка Шагала блистают ныне первозданной красотой.

Спроектированный А. П. Ковалевым чудо-подрамник позволяет как можно меньше травмировать полотна при подготовке к экспозиции. А путешествовать театральным панно в последние годы пришлось очень много, словно бы наверстывая полувековую дремоту. Их видели зрители Франкфурта-на-Майне, Нью-Йорка, Финляндии, Иерусалима, Милана, Флоренции. В 1993 году состоялась долгожданная выставка росписей в Москве и Петербурге, в 1995 году в Париже...

Редкие счастливицы могли созерцать волнующий ритуал, открывающий каждые гастролы шагаловских шедевров. С огромными предосторожностями приступают Ковалев и его коллеги к снятию внушительного панно с вала и укреплению его на подрамник. Реставраторы в белых халатах и перчатках сосредоточенно священнодействуют в просторном зале. Поодаль, в тишине, благоговейно толпятся местные музейщики, журналисты. И вот уже из-под бережных рук раскатывается-расстилается ослепительная дорожка, по которой суждено вечно нестись Эфросу с Шагалам, ступать лукавой козе, и радость не дает Михоэлсу опуститься на землю...

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ ТАТЬЯНЫ КОНЮХОВОЙ

Андрей КОЛОБАЕВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Интервью 2016 года

**«Аджубей схватил меня за руку:
«Хочешь стать народной артисткой
СССР?» – «Знаете, Алёша, всем, чего
я достигла в этой жизни, я обязана
только самой себе». Он как закипел:
«Ну и дура!»»**

Воскароносной картине «Москва слезам не верит» есть удивительный кадр: открытие Московского кинофестиваля, всего на несколько мгновений на ковровой дорожке появляется она... Героини фильма – провинциальные девчонки буквально ошарашены: перед ними сама Татьяна Конюхова, живая легенда. У Ирины Муравьевой вырывается восторженное: «Ой, Конюхова! Обожаю!..»

Режиссёр этой ленты Владимир Меньшов потом признавался, что из всех красавиц актрис советского кино выбрал Конюхову, потому что именно её, сыгравшую главные роли в киношедеврах тех лет «Разные судьбы», «Над Тиссой», «Гори, гори, моя звезда», «Запасной игрок» считал настоящим кумиром, суперзвездой 1960-х – 1970-х.

... Застать Татьяну Конюхову дома практически невозможно: подъём строго в шесть утра, возвращается домой ближе к полуночи. Несмотря на надвигающийся 12 ноября серьёзный юбилей (85!), жизнь у народной артистки, профессора кафедры режиссуры и мастерства актёра по-прежнему кипучая – преподаёт актёрское мастерство своим студентам, ездит на кинофестивали. Да и режиссёры её не забывают – на журнальном столике в её большой комнате всегда кипы новых сценариев. Правда, соглашается сниматься актриса нечасто, смеётся: «Сценарии все – «гениальные», но участвовать в этом чаще всего просто не хочется. Работы у меня и без этого – по горло, едва успеваю».

ПАПА МЕНЯ НАЗЫВАЛ «ТЫ МОЙ ПАГАНИНИ!»

– Татьяна Георгиевна, вы родились в Ташкенте, куда вашего отца направили на работу в ЦК Компартии Узбекистана. За что его потом арестовали?

– В 1934 году один его коллега, гадёныш, написал на него донос: якобы отец скрыл от партии происхождение деда, то есть партию обманул. Хотя никакого обмана не было, дед был сельский житель, агроном высшей пробы. А тот написал, что он был чуть ли не управляющий именем. По этому лживому доносу папу заграбастали. Пока разобрались, три года он отсидел. Там на нервной почве у него открылась мокрая экзема – от макушки до пят. Мама его выхаживала до 1942 года и практически вылечила. А в 1942 году отец ушёл на фронт. Я даже подозреваю, что он сам ушёл – добровольцем. Для него слишком тяжело было носить в себе то, что он узнал в застенках.

– Он рассказывал о том, что пережил и узнал?

– Нет. Когда его выпустили из тюрьмы, папа стал ужасным антисталинистом. Иногда мог бросить какую-нибудь резкую фразу, но никаких споров на эту тему не поддерживал. Чаще молчал. А мы с мамой были сталинистки. «За дедушку Сталина!» А чего ж нам было на советскую власть обижаться?! Я училась в школе, мы ездили куда хотели – в пионерские лагеря, были праздники, пионерские костры, песни... Всё было

хорошо! Никто нас не насиловал, не растлевал. Я получила при советской власти всё, что только может получить молодой человек. Состоялась как актриса. Так что плевать в колодезь, из которого я пила воду, я не хочу. По отношению к нашей семье никаких репрессий не было. Папу реабилитировали сразу.

– Когда Сталин умер, вы плакали?

– А вся страна рыдала, между прочим. Вся! Вы не видели, а я видела, как вся Москва хлынула к Колонному залу. Все улицы были перекрыты грузовиками, потому что люди толпами шли туда попрощаться. А сколько поездов ехало в Москву битком набитых... Что вы! А сколько народу на Трубной погибло в этот день?! Как раз ударил мороз, и организаторы не рассчитали, что будет скользко, а идти под горку. Наша колонна пошла сразу из ВГИКа по проспекту Мира, повернули на Трубную, и мы видели, как толпа шла напролом, люди стали падать, скользить, и их давили на наших глазах. Причём были сумерки, темно... Ой, ужас какой-то. И мы с подружкой оказались в этой толпе, как в водовороте. Хорошо, какой-то дядька нас буквально схватил за загривок и вытащил. Иначе раздавили бы как лягушек! Потом говорили, что там

погибло несколько тысяч.

– Кем мечтали стать в детстве?

– Артисткой. Я пела, танцевала на столе. Бабушку усаживала как зрителя. Ну как дети дурачатся... С пяти лет уже «заболела» кино. Ходила на «Цирк», «Весёлых ребят», «Трактористов»... И всё, что видела на экране, я повторяла как мартышка. Все музыкальные номера из «Цирка» знала наизусть и легко могла воспроизвести. Как и любую сложную мелодию симфоническую – с лёту. Помню, папа даже меня называл за это «ты мой Паганини».

При этом я была большой проказницей и дружила только с мальчишками. Мы удирали из дому и носились по глинобитным крышам окрестных домиков. За это меня мама беспощадно лупила. Я по гороскопу Коза, так что драла меня мама как сидорову козу за мои проказы. Но видно уже тогда внутри меня сидел какой-то ген любви к искусству. «Танька-артистка» меня мальчишки дразнили во дворе, дёргали меня за волосы или могли тарарахнуть портфелем по башке. И я дралась с ними не на жизнь, а на смерть. Ходила вся в синяках

– А за что дразнили «артисткой»?

– Потому что я всегда выступала. Делала

всякие акробатические этюды – причём сама всё придумывала. Но дёргали они меня ещё потому, что нравилась я им, как я теперь понимаю. Выражали свою симпатию вот так своеобразно.

– У ваших родителей творческие способности были?

– Мамочка была домохозяйкой, но обладала голосом удивительной силы и красоты. Когда она пела дома, люди, проходившие по улице, останавливались под окнами и слушали. Во время войны её даже приглашали в Киевский оперный театр. Но как она могла сорваться с места? На ней был дом, двое детей – я и моя сестра Роксана, отец воевал. Папа тоже был человеком музыкально одарённым – прекрасно играл на гитаре и очень любил сопровождать маме. Даже странно, что такие творческие родители не поняли меня, когда я заявила им о своём желании поступать в театральный.

– Но почему?

– Мама не верила в меня. Ведь кинозвёзды того времени – её любимые актрисы Целиковская, Орлова, Тамара Макарова и Марина Ладынина – все как на подбор красавицы, а меня мама таковой не считала. Это Люсю Гурченко... Как она в своей книге

написала, мама называла «ты моя ягодка», «клюковка», «богинька»... Отец и мать пестовали в ней вот это вот честолюбие, тщеславие. «Ты самая лучшая! Ты будешь народной артисткой!» А моя мама не сказала мягко и нежно: «Куда ты, деточка?», а, намотав на кулак мои роскошные косы, подтащила меня к зеркалу: «Посмотри на себя! И куда же ты в калашный ряд?» Это было сделано очень круто, как теперь говорят. Ну не верила! Хотя видела, что я постоянно на сцене, пою, танцую. Говорила: «Лучше ты учишься! А то будешь, как и я – рабыня!»

- Но вас это не остановило.
- Отец скептически посмотрел и сказал: «Поезжай, доча. Не примут, вернётся, построим тебя куда-нибудь». А я сама себе сказала: нет, поеду и всё! Плевала я на вас, скептиков.

- Страшно было?
- Не-а. Я вообще ничего не боялась. Не то, что я бесстрашная – просто у меня заниженный потолок страха. Знаете, могу и в драку влезть, не задумываясь. Кстати, бывало, даже свору русских борзых разнимала. Налетели на моего пуделя Артошку, так я ринулась в самую гущу. И ничего! Между прочим, во ВГИК я поступила с первого раза! Несмотря на то что в тот год был конкурс 800 человек на место. Это был 1949 год.

РЕЖИССЁР МЕНЯ ПРЕДАЛ

– Юной студенткой вы снялись в картине нашего великого сказочника Александра Роу «Майская ночь, или Утопленница» и мгновенно стали знаменитой. Помните свои ощущения от дебюта?

– Я тогда впервые оказалась на съёмочной площадке, да ещё в окружении таких великих мастеров, как Хвыля, Цесарская, Милляр. Ведьму играла потрясающей красоты актриса Григорьева, Панночку – актриса Малого театра Лилечка Юдина. Помню, поначала меня охватила эйфория: студентка младшего курса первый раз снялась в кино – и сразу же в главной роли!

- То есть слава обрушилась сразу?
- Именно это слово подходит – «обрушилась»... На меня весь ВГИК бегал смотреть: «она снималась в кино». А как вы хотите? Фильмов тогда снималось 8 штук в год. Даже популярные актёры сидели без работы. Несмотря на невероятный фурор после «Молодой гвардии», из всей этой талантливой плеяды один только Сергей Гурзо снимался. Даже Нонна Мордюкова с Инной Макаровой сидели без дела. Успех «Майской ночи» был грандиозный. Но лично я была этой своей работой крайне недовольна. Даже из-за этого чуть не ушла из ВГИКа.

–?!

– Понимаете, это потом я множество даже зарубежных фильмов озвучивала, включая главную героиню знаменитого «Фантомаса» с Луи де Фюнесом. А же музыкальный человек – это мне тьфу! А во время озвучания «Майской ночи» я по неопытности не могла попасть в собственную артикуляцию на экране. И это было трагедией моей – меня ведь озвучивала другая актриса. Тогда я пошла к ректору и попросила оставить меня на второй год. Так я попала на курс гениальных совершенно педагогов – Ольги Ивановны Пыжовой и Бориса Ефимовича Бибикина (воспитавших, между прочим, Нонну Мордюкову, Сергея Гурзо, Вячеслава Тихонова, Катю Савину), где вместе со мной учились Майя Булгакова, Изольда Извицкая, Руфина Нифонтова, Юрий Белов, Валентина Владимировна. Я туда пришла в один день с Наденькой Румянцевой – её за самовольство изгнали из ГИТИСа

- ВГИК вы заканчивали уже настоящей звездой экрана – сыграли сразу четыре главные роли. Как зрители выражали вам свою любовь?

- По-разному. Почтальоны каждый день приносили мне полные сумки писем, в кото-

рых были и просьбы, и любовные признания. Писали почти по Чехову: «Москва, Соне Орловой из фильма «Разные судьбы». Присылали письма из мест заключения: мол, скоро выйду – жди, никто тебя так не любит, как я. Один такой даже меня разыскал... Но были и вменяемые поклонники. Например, один на съёмках фильма «Штрафной удар» каждое утро приносил мне пакет с фруктами.

- Такое повышенное внимание стало лично для вас тяжёлой ношей?

- Меня часто спрашивают: «А как вы относитесь к своей славе?» Да никак – звёздной болезнью я никогда не страдала. Потому что всегда считала себя рабой искусства, я всегда адски трудилась, головокружение от успехов мне было чуждо. К тому же перед моими глазами прошли жизни многих актёров – всенародных любимцев. Я видела, как может протухнуть слава. Поэтому на подобные вопросы я отвечала: «К славе я отношусь как к скоропортящемуся продукту. Сегодня она есть, а завтра ты – ппфф, и всё!» А кинематограф – это как бабник-муж. Он всегда себе найдёт получше, помоложе! (Смеётся.) И ещё меня спасало то, что я никогда никому не завидовала. Благодарю Бога, который дал мне такую любовь к искусству, что я его люблю в себе, а не себя в нём.

- Вы считаете себя реализованной в кино?

- Почему нет? У меня более 50 картин – разных по масштабу, по глубине, по материалу. И на сцене я в своей жизни сыграла то, о чём может мечтать любая актриса. Знаете, в своё время у меня была, что называется, «хрустальная мечта идиота» – сыграть Варвару Петровну Ставрогину в «Бесах» по моему любимому Достоевскому. И я её сыграла! В этом спектакле собралось настоящее актёрское созвездие – Светличная, Белохвостикова, Глузский, уникальный Владимир Сергеевич Ивашов, которого я называла «лордом». Я испытала чувство невесомости на сцене. Режиссёр был поражён до глубины души. «Кто бы мог подумать, – сказал он тогда, – что эта хрупкая, нежная, лирическая актриса сможет сыграть женщину с таким сильным, властным характером!» Это был 1988 год! Нет, про себя не могу сказать, что я «кладбище несыгранных ролей». Хотя за свою карьеру я умудрилась несколько раз сама отказаться от некоторых ролей и посоветовала актрис, которых эти роли прославили.

- Вы говорите о «Карнавальской ночи»? Так это правда, что вы должны были играть Леночку Крылову?

- Да нет, не должна была, но меня пригласили. Ассистентка Эльдара Рязанова

сказала: «Эльдар Александрович хочет, чтобы вы пришли». – «Зачем?» – «Вы же прекрасно поёте, танцуете». Я пришла и прямо сказала ассистентке: «Эту роль должна играть Люся Гурченко! Даже на пробы идти не хочу!» Так Люся Гурченко и снялась в своей звёздной роли. Примерно в этот момент я отказалась съёмки в фильмах «Дело № 306» и «Летят журавли»... Когда режиссёр Михаил Калатозов услышал мой отказ, так вообще чуть не упал. Но, разумеется, отказывалась я не просто так – у меня была веская причина.

- Интересно, какая?

- Незадолго до этого режиссёр Григорий Львович Рошаль пригласил меня на роль, о которой я мечтала давно – сыграть Дашу в экранизации романа Алексея Толстого «Хождение по мукам». Кинопроба прошла блистательно, никто не сомневался, что Даша – моя. Я была счастлива, была буквально «беременна» этой ролью – ни о чём другом я даже думать не могла. Режиссёры меня рвали на куски, но я отказывалась наотрез, чтобы быть свободной, когда Григорий Львович меня позовёт. Но вскоре Рошаль заболел, съёмки отложили на полгода. А выздоровев, поддавшись убеждениям жены (мол, ему нужна актриса, которая ещё нигде не засветилась, новое лицо, а я уже, дескать, примелькалась на экране) и отдал роль юной студентке Школы-студии МХАТ Ниночке Веселовской. Я очень тяжело это переживала: накатила такая депрессия...

- Слышал версию, что в тот момент вы были чуть ли не на грани самоубийства.

- Ну нет, уж до этого бы, думаю, не дошло. Просто я пребывала в таком состоянии, что не могла ни есть, ни пить и могла просто издохнуть, вот и всё! Лежали кожа да кости. Меня ведь в той ситуации потрясло даже не то, что режиссёр не взял меня сниматься, а то, что... предал! Слава Богу, из этой депрессии меня вытащил Леонид Давидович Луков. Специально для меня он написал роль главной героини в советско-югославской картине «Олеко Дундич» и даже назвал её именем несыгранной моей роли – Дашкой. То есть Луков меня фактически спас.

СЛАБОСТИ ГЕНИЕВ

- У вас был свой особый рецепт, как готовиться к роли, погружаться в образ, материал?

- Ну-у... Это тайна! Это такая же тайна, как из микрочеловечка появляется живой человек. Многие говорят: это пафосно, нельзя ли сказать попроще? А как попроще? Вот «забеременела» ролью. И что это такое?

– Но мы-то по воспоминаниям ваших коллег знаем, как готовились к съёмкам наши великие, народные Николай Крючков, Борис Андреев, Пётр Алейников... Вечерком в преферансик под водочку, хорошая компания, анекдоты, рыбалка... А утром в кадр. И играли шикарно!

- (Смеётся.) И я с удовольствием оказывалась иногда с ними в застолье и напивалась. Это, правда, очень редко со мною случалось, но несколько раз было такое. Ну и что?! Мало ли куда тебя затащит трясина жизни?! По жизни ведь – это как по болоту идти. И потом... Понимаете, наши посиделки и попойками-то не назовёшь, они никогда не были безобразием. Мы, допустим, могли всю ночь говорить о своих ролях. Вспомнила замечательный случай! Однажды мы ехали в поезде огромной актёрской компанией. Набилось полное купе – Марк Бернес, Георгий Юматов, Борис Андреев... Был такой приглушённый свет, сумерки. И под стук колёс Борис Фёдорович Андреев рассказывал нам, как бы он сыграл... Отелло. Я смотрела на него и в какой-то момент поймала себя на мысли: этот абсолютно русопятый актёр буквально на моих глазах постепенно превращается в мавра. Вот что такое сила искусства и воображения! Оказывается, всё это он видел в себе и носил в себе... А вы говорите «преферансик под водочку». Да, они выпивали, напивались... Но я никогда не слышала, чтобы они грязно матюгались. Они говорили слова, но они у них не звучали пошло, руганью, оскорблением достоинства человеческого. Это было как, знаете, острый соус с хорошим таким перцем. Нет, это была особенная плеяда актёров. Они всё успевали и делали это гениально! Кого ни возьми – Крючков, Андреев, Бернес, красавец Переверзев, Сергей Столяров, Владимир Дружников... Философ сказал: «Все человеческие слабости прощу гению. Но ни одной слабости гения не прощу человеку». Вот что есть это поколение!

- Что было в них такое, чего нет сейчас у современных актёров?

- Вот тот же Борис Фёдорович Андреев... Он в жизни даже не говорил, а вещал, изрекал. И его речь звучала, как симфоническая музыка. Не дробнёнькая, как у многих сегодня – быстро-быстро, скороговорчато, не успеваешь даже проникнуть в суть произносимого. У него каждое слово материализовалось в какой-то образ. А Николай Афанасьевич Крючков обладал каким-то фантастическим чувством юмора и был просто потрясающий жизнелюб. Он был как бы живым ответом на вопрос: «Что такое счастье?» «Счастье – это жизнь!» А какая личность Борис Андреевич Бабочкин! Он не только великий актёр. Он все невероятные грани героизма человеческого мате-

Таня Конюхова (вторая слева) со своими одноклассниками. Ташкент, конец 1930-х

риализовал в роли Чапаева. Этому качеству нельзя научить. А Ульянов? Коля Рыбников, Жора Юматов – яркие, изумительно талантливые... А такой брильянт, как Вячеслав Васильевич Тихонов, – сейчас даже близко никого нет. Изумительной красоты и нравственной чистоты человек. Он даже когда состарился – оставался божественно красивым. Не курил, за всю жизнь никто его не видел пьяным. Никогда!

Чтобы дать понять, насколько в то время была невероятная порода творцов, приведу такой факт. Мой педагог во ВГИКе Ольга Ивановна Пыжова была ученицей великого Константина Сергеевича Станиславского и его партнёршей в спектакле по Гольдони «Трактирщица». Она играла трактирщицу Мирандолину, а он – её кавалера. Так вот, умирая, на смертном одре Ольга Ивановна жестом дала понять дочке, чтобы та наклонилась к ней, и её последними словами были два слова о Станиславском. Она прошлестала губами «Он – гений...» И её не стало. Каково, а?

«ТЫ, ДЕВОЧКА, НЕБЛАГОНАДЕЖНАЯ!»

– Говорят, за вами «охотились» лучшие европейские режиссёры. В том числе якобы Федерико Феллини...

– Нет-нет. И Марсель Марсо мне ничего не говорил, и мой партнёр по картине «Карьера Димы Горина» Володя Высоцкий мне никаких песен не писал. Зачем говорить то, чего не было. А вот на Карловарском кинофестивале 1956 года официальное приглашение от всей американской киноделегации отужинать вместе – я получала. Но меня не пустили на эту встречу. Наш «дядя в штатском» сказал: «Татьяна, я вам это делать не рекомендую». А Рошаль просто набросился на бедного американца, который меня пригласил: «Ей некогда, она готовится к выступлению на фестивале! Вы её там увидите!» (Смеётся.) И американцы в шикарном ресторане меня прождали полтора часа, но зря.

– Многие актрисы вашего поколения рассказывали, как им постоянно приходилось отбиваться от режиссёрских сексуальных притязаний. Несговорчивых потом не снимали годами, у многих карьера вообще пошла под откос... Вы лично с этим сталкивались?

– О господи! Конечно. Однажды я захотела сыграть даже не героиню, а роль второго плана, но довольно забавную – там есть, что делать актёрски. Режиссёр позвонил и ясно сказал: «Если будешь со мной жить, то сыграешь!» Прямо в лоб! Конечно, я не сказала: «Чтоб ты сдох!», но такое рубануло у меня внутри. Я выпалила: «Да если мне миллион дадут, я с вами не лягу в постель!» И швырнула трубку. Навсегда поссорилась, хотя известный был режиссёр и талантливый, сволочь. На другой картине один вообще меня зажал в угол. Я сказала: «Если вы сейчас же меня не оставите в покое, сейчас же возьму такси и уеду в Москву!» И всё! Я всегда сама выбирала, кого мне любить, кого нет.

– А что за история, когда за вами пытались ухаживать Аджубей?

– В этот день в Кремле закончился XIII съезд комсомола, все уже разъезжались. Я пришла после съёмки, и, когда вошла в вестибюль, на меня вытаращили глаза все гардеробщицы. Я тогда была очень популярная. «Доброе утро», «Запасной игрок» – я не могла спокойно по улицам ходить... И вижу: с лестницы спускаются двое и с улыбками – ко мне. Один – первый секретарь

Татьяна Конюхова (в роли бригадира Гали Берёзки) и Владимир Высоцкий (в роли шофёра Софрона). Кадр из фильма «Карьера Димы Горина», 1961

Роль Дашки в советско-югославской военной картине «Олено Дундич» была специально написана для Татьяны Конюховой, 1958

Татьяна Конюхова на даче. Справа: Татьяна Конюхова на кинофестивале. Конец 1990-х

эстонский, другой... такой рыжий-конопатый. Спрашиваю рыжего: «Вы кто?» Веснушки так и поскакали мне навстречу как выстрелы. «Я – Аджубей. Можно просто Алёша».

– Он был широко известен?

– Он был второй человек после Хрущёва – он был зятем Хрущёва. Тут промелькнуло что-то в нём: вот, мол, дурочка, Аджубей в лицо не знает... (Смеётся.) Выходим из Кремля, он подхватил меня под ручку, идёт, смеётся: «Завтра вся Москва будет гудеть – Аджубей шёл с самой Конюховой!» Он был чуть подшофе – весь красный, рассказывал, как съезд прошёл удачно, как было шумно и весело. «Ну что, – говорит, – поехали к нам в гостиницу?» «Нет, – отвечаю, – я так на съёмке устала. Домой, домой...» «Ну тогда подвезём. Куда прикажете, королева?» «На Плющиху, пожалуйста». Приезжаем. Выскочил, открыл дверь. Я выпархиваю. Он хватил меня за руку: «Хочешь стать народной артисткой СССР?» Вот так – с ходу! А у меня тогда не было вообще званий никаких – просто популярная-распопулярная. Говорю: «Знаете, Алёша, всем, чего я достигла в этой жизни и в искусстве, я обязана только самой себе. Большое спасибо!» Он как закипел: «Ну и дура!» Прыгнул в машину, вжик по газам – и помчал.

Знаете, я умела дружить с мужчинами. Иногда я благоговела перед ними, я их обожала, но... Никогда! Мы общались. Дружили. И у меня всегда были чудесные отношения. Только один мне сильно нагадил. Даже не один, а два. На гастролях в Румынии ко мне проникся вниманием очень красивый джентльмен, профессор МГУ. Мы с ним просто платонически общались – гуляли, вместе обедали, ужинали. Главной делегации был некий тип по фамилии Орлов. Такой чванливый, сальный мужик... всё время чувствовалось, что он хочет тебя за попку схватить или за сиську. Вдруг смотрю: профессор начинает меня сторониться. Я не выдержала: «Я вас чем-то скомпрометировала?» Он нехотя рассказал, что с ним не очень красиво беседовал этот Орлов. А когда вернулись, этот слезняк накатал в высшие инстанции, которые распоряжаются, пущать или не пущать, какое-то гадкое письмо. Потом меня куда-то вызывали, песочили... А второй подобный случай был на Карловарском кинофестивале. Я недоумевала, как наш министр кинемато-

графии может быть таким неучем. Он говорил: «пинжак», «транвай»... Однажды он так вывел меня из себя, что я прямо в глаза ему бабахнула: «Сначала научитесь говорить грамотно!» Он приехал, и с Лидией Николаевной Смирновой, которая была ответственной за наш актёрский ансамбль, на меня тоже накатали какую-то телегу.

– За что на этот раз?
– В меня влюбился там американский режиссёр. И когда нас привезли в Прагу, после общего ужина в ресторане он предложил мне прогуляться по городу. Мы просто гуляли, разговаривали, ели шпачки, выпили пива. Вернулись в гостиницу часа в 4 ночи. Вот и весь «криминал»

– Это же преступление по тем временам!
– (С иронией.) Ещё какое! Потом, перед поездкой в Югославию на съёмки картины «Олеко Дундич», мне говорят: «Ты, девочка, не очень благонадежная». Луков возмутился: «Да вы что?! Я голову положу на плаху за неё». Потом он вышел и говорит: «А что это ты в Праге натворила? Где ты там шлялась всю ночь? На тебя лежит докладная, подписанная Рачуком и Смирновой». Но всё равно выпустили.

– Татьяна Георгиевна, в 1950-е годы ходили слухи, что у вас был роман со старшим сыном знаменитого композитора Исаака Дунаевского – Евгением...

– Ну не знаю, роман не роман, но мы нежно дружили с Женей. Исаак Осипович прилюдно называл меня своей невесткой. Затем из-за какой-то ерунды мы поссорились, и на этом всё закончилось.

– Писали, что Евгений попал в какую-то жуткую криминальную передраку, которая сломала его жизнь.

– О! Вы мне как раз её напомнили. Помню, однажды еду в Питер на верхней полке и слышу, как внизу попутчицы обсуждают: мол, на даче у Дунаевского убили девушку, чуть ли не дочь бывшего министра иностранных дел СССР Литвинова. Слышу дословно: «Труп закопали, потом его сын Женя застрелился, а Дунаевский-старший, не выдержав позора, наложил на себя руки». Я чуть с полки не упала. Какая чушь! Ведь была в ту ночь на даче и всему была свидетель.

– А что случилось на самом деле?
– Действительно, отмечая праздники, там отдыхала большая компания Жениных друзей. Женя вообще ни при чём – он в это время спал, а мы (и я в том числе) сидели в холле, слушали музыку, танцевали. Кто-то из его друзей решил с девушкой покататься. Взяли ключи от его машины и уехали. Как там было на самом деле, так и осталось загадкой, но я сама видела, как этот парень прибежал весь не в себе, смывал кровь с рук... По его словам, девушка попросилась порулить и машина на приличной скорости врезалась в дерево, она погибла. Потом всех нас таскали на допросы, песочили в ЦК комсомола. Никакого криминала не нашли – несчастный случай. Никто не стрелялся, никого не посадили... Но вскоре в прессе появилась статья об этой дачной истории, о «безнаказанности золотой молодёжи», где все факты были искажены. А когда в июле 1955-го от сердечной недостаточности умер Исаак Осипович, в народе пошли гулять эти слухи.

«Я, КАК РЫБКА ЗЛОТАЯ»

– Татьяна Георгиевна, а вы часто влюблялись?

– Да бывало. И очень бурно. Но как влюблялась? Напридумываю себе человека, а потом наступает полное разочарование, и я, как рыбка золотая, вильну хвостом и – нету меня. Так случилось, что Владимир

С мужем Владимиром Кузнецовым, сыном Серёжён и пуделем Артошкой на даче. Конец 1960-х

Кузнецов был моим третьим мужем. Первый раз я была замужем ровно десять дней...

– Десять дней? Но почему?

– Всё дело в том, что к своему первому браку я отнеслась очень легкомысленно. Понимаете, у меня были такие моменты в жизни, когда под моё плохое настроение меня можно было «взять» голыми руками. Убедить выйти замуж, например. И я: «Подумаешь?! Ну и выйду замуж... Что такого?!» Вот так меня и взял первый муж.

1954 год. Он работал на киностудии главным редактором одного из самых крупных объединений, был умица, красивый... Словом, уговорил, мы расписались. Но я сразу его строго-настрого предупредила: «Когда я снимаюсь, прошу: даже не появляйся – на этот период я ухожу с головой в работу!» Уехала на съёмки. Вдруг в шесть утра в гостинице стук в дверь. Открываю, стоит муж, улыбается. А из-за его спины выглядывают несколько консьержек, которых он, видимо, прихватил в свидетели, и хихикают: мол, сейчас он найдёт кого-нибудь под кроватью и начнётся самое интересное. Мне как ударило в голову... Ах, итить твою мать! Ты проверять меня вздумал?! Да ещё с понятиями пришёл?! Я распахнула настежь дверь: «Проходи, смотри!» Отрываю шкаф: «Видишь? Здесь смотри, здесь». Муж растерялся: «Таня, не надо». «Нет, раз уж приехал, проверяй! А теперь, – скомандовала, – на колени!» Он, бедный, подумал, что про-

шения просить, встал... «Нет, теперь ищи под кроватью! Нашёл? Доволен? А теперь – вон отсюда! И чтобы в моей жизни духу твоего не было!» Всё! Вот такая я была. Сколько лет прошло, эта сцена до сих пор перед глазами, как вчера. Но ни разу о принятом решении не пожалела.

– Круто!

– (Улыбается.) Правда, Кузнецов тоже один раз приехал утром неожиданно. Я снималась в картине «Тайна предков» в одной из южных республик. И там за мной приехал ухаживать один иранец. Он дал членам съёмочной группы бутылку коньяка – за то, что они его со мной познакомят. Я, когда узнала, сказала: только попробуйте, я этой бутылкой вас отхожу, как следует... Жара плюс сорок, ночные съёмки, устала страшно. Легла спать только под утро. И вдруг на рассвете слышу, как в окно – фр-рррр – какой-то странный звук. С трудом открываю глаза: на полу огромный букет шикарных цветов. Первая мысль: этот приставучий ухажёр. Вторая: нет, слишком бросок был точный. Так точно может бросить только один человек на свете. Смотрю в окно, и правда: муж приехал. Выяснилось, что отдыхал где-то на юге и в какой-то момент так соскучился, что, забыв про мои запреты, вышел из моря, оделся и, не заходя в гостиницу, без вещей, поехал в аэропорт и прилетел ко мне.

– И как вы отреагировали на этот раз?

– (Делает строгие глаза.) Как-как?! Конечно, не прогнала. Любила сильно потому что. Сказала: бери матрас, будешь спать вон там в уголке. И чтобы работе не мешал!

– Владимир Кузнецов действительно

был любовью всей вашей жизни?

– Да. Мы познакомились в Сочи, где я в то время снималась – играла дрессировщицу в фильме «Косолапый друг». Володя сразу начал ухаживать трепетно, нежно, красиво. И хотя я по давней своей «скорпионьей» привычке (я по знаку зодиака Скорпион) поначалу увликала от встреч, мой новый знакомый оказался на редкость настойчивым. Как оказалось, Володя был известным копьеметателем, входил в десятку сильнейших спортсменов мира, был участником трёх олимпиад. И ему удалось меня покорить – я влюбилась в него без оглядки!

Самое удивительное (это Володя мне потом рассказывал), что, ещё не познакомившись со мной, он однажды признался своему другу, влюблённому в Аллу Ларионову, что представляет себе будущую жену такой, как артистка Конюхова. А потом мы с ним встретились, и 27 лет, прожитых вместе, промелькнули как один день, хотя отнюдь не были идиллическими – мы с мужем были оба очень эмоциональные, взрывные и, бывало, ссорились так, что только пух и перья летели. А сколько посуды перебили! (Смеётся.) Но это были по-настоящему счастливые годы. К несчастью, умер Володя совсем молодым – в 55 лет, от рака – в год, когда случилась чернаябыльская катастрофа. К тому времени он был уже выдающимся учёным – доктором педагогических наук, профессором, одним из первых, кто всерьёз занялся антропомаксимологией – наукой о резервных возможностях человека.

Вот когда мужа не стало, я действительно всерьёз подумывала о самоубийстве. Помню, сижу, курю (а я тогда начала курить и курила как сумасшедшая) и думаю: как лучше это сделать. Потом представила, что буду лежать вся бледная, некрасивая. А воображение-то буйное! Как увидела... Фу! Нет, не бывает ничего «просто так» в этой жизни...

– Лет 15 назад на одной из встреч с артистами знаменитый театровед Виталий Вульф произнёс блестящую речь о вас, закончив её такой фразой: «Она была доступна и недостижимая». Как вы думаете, что он имел в виду? «Недостижимая» – это понятно...

– Ничего не надо расшифровывать. Доступная – это она общалась запросто, могла пуститься в пляс с людьми из народа – когда мы ездили с выступлениями по стране. Я ведь и с донскими казаками отплясывала будь здоров, могла пуститься в пляс в испанских танцах на Кубе...

– Ваш сын Сергей и внучка Ольга не стали актёрами?

– Нет, не стали. Наш с Володиёй сын вырос замечательным человеком. Сергей служит в МИДе. У меня чудесная внучка – красавица и умица. Золотая медалистка, мастер спорта по синхронному плаванию, окончила филфак Российского государственного гуманитарного университета. А сейчас работает в протокольном отделе МИДа, потому что знает четыре языка.

– Вы прекрасно выглядите, у вас просто сумасшедший рабочий график. Как вам это удаётся – есть фирменный секрет?

– (Смеётся) Ничего нет «секретного». Главное моё правило: надо держать спину прямо и стремительно идти вперёд! И ещё – иметь любопытство, интерес к жизни, к людям. Три-четыре часа ночью я обязательно читаю. Обычно засыпаю с книжкой в обнимку и сплю в общей сложности, наверное, часа два с половиной, не больше. Просыпаюсь в шесть – и вперёд! А что делать? Да и привыкла я «крутиться», не могу сидеть без дела. Преподаю актёрское мастерство детям, снимаюсь. Ведь я – действующая актриса!

Фото из семейного архива Т.А. Конюховой

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№07 (184) от 13.07.2021
Учредитель и издатель:
ООО «Издательство Украинский Медиа Дом»

04080, г. Киев, ул. Кирриловская, 104
Главный редактор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной
регистрации печатного СМИ
КВ № 24421-14361 ПР
выдано Министерством юстиции
Украины 13.03.2020
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Куреневский переулок, 17Г
Телефон редакции: (044) 207-97-11

e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Размещение рекламы
reklama@umh.com.ua
Тел.: (044) 207-97-00, (044) 207-33-05
Распространение и подписка
ООО «Издательство Украинский Медиа Дом»
Отдел розницы, тел.: (044) 207-97-00
Отдел подписки, тел.: (044) 207-97-25
При подготовке номера использованы

материалы международного
ежемесячника «Совершенно секретно»
Рукописи, присланные в редакцию,
не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями
не ведёт. Перепечатка только с разрешения
«Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности

за содержание рекламы. Во всех случаях
типографского брака обращаться
в типографию ООО «Мега-Полиграф».
Адрес: г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тел.: (044) 451-86-70, (044) 581-68-15.
© «Совершенно секретно-Украина», 2020
Отпечатано в типографии
ООО «Мега-Полиграф».
г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тираж: 39000 экз. Заказ № 84089

У ЛІПНІ ЧИТАЙТЕ:

- ЗЕЛЕНСЬКИЙ ПРОТИ ОЛІГАРХІВ.
ГРА В ІМІТАЦІЮ
- МОЖЕМО ПОВТОРИТИ?
МРІЄМО ПРО СИЛЬНУ РУКУ
- ХОЛОДНА ВІЙНА.
НОВА СТРАТЕГІЯ ДЛЯ РОСІЇ

Вже
У ПРОДАЖУ

Свідоцтво
про держреєстрацію
Серія КВ,
24420-14360 ПР
від 13.03.2020р.

СПЕЦВИПУСК
«Секрети історії»

